

СЕРГЕЙ АБАШИН

КОКАНДСКИЙ ПОХОД

К ИСТОРИИ ЗАВОЕВАНИЯ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
В XIX ВЕКЕ

ЧТО
ТАКОЕ
РОССИЯ

Сергей Абашин
Кокандский поход. К
истории завоевания
Центральной Азии в XIX веке
Серия «Что такое Россия»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74359746

Кокандский поход. К истории завоевания Центральной Азии в XIX веке:

Новое литературное обозрение; Москва; 2026

ISBN 978-5-4448-2976-9

Аннотация

150 лет назад газеты Российской империи писали об очередном походе в Центральную Азию, который должен был продемонстрировать российскому обществу и всему миру мощь русского оружия, решительность русского правления и его цивилизаторскую миссию. Поход против Кокандского ханства 1875–1876 годов закончился победой: враг, объявленный варваром, был повержен, победители осыпаны наградами, а империя приросла огромными территориями и приобрела не менее миллиона новых подданных. Однако не успел дым пороха рассеяться, как страна забыла о произошедшем – началась российско-турецкая война, мечты об Индии сменились мечтами о Константинополе, а Кокандский поход так и остался

полузабытым эпизодом российской истории. Используя как опубликованные и архивные материалы, так и воспоминания, Сергей Абашин рассказывает об основных этапах и событиях похода, дает слово ведущим имперским чиновникам и рядовым офицерам, а также противоположной, кокандской стороне, чтобы ответить на вопросы: почему Российская империя была так устремлена на завоевание Центральной Азии? Кто и как принимал решение о новых походах и присоединении культурно и географически неблизких земель? И почему события 1875–1876 годов в Центральной Азии замалчивались или забывались в имперское и советское время? Сергей Абашин – доктор исторических наук, профессор факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Содержание

Вводное слово	8
Глава 1. Российская империя и Коканд	13
Зачем Россия шла в Центральную Азию?	13
Туркестанский край	24
Кокандское ханство	31
Худаярхан	38
Глава 2. Casus belli	52
Кризис в Кокандском ханстве	52
Посольство Вейнберга	66
Оборона или нападение?	80
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Сергей Абашин

Кокандский поход.

К истории завоевания

Центральной

Азии в XIX веке

УДК 325.3(47:575.1-52)(091)«1875/1876»

ББК 63.3(2)522-69

A13

Редактор серии И. Мартынюк

Сергей Абашин

Кокандский поход: К истории завоевания Центральной Азии в XIX веке / Сергей Абашин. – М.: Новое литературное обозрение, 2026. – (Серия «Что такое Россия»).

150 лет назад газеты Российской империи писали об очередном походе в Центральную Азию, который должен был продемонстрировать российскому обществу и всему миру мощь русского оружия, решительность русского правления и его цивилизаторскую миссию. Поход против Кокандского ханства 1875–1876 годов закончился победой: враг, объявленный варваром, был повержен, победители осыпаны

наградами, а империя приросла огромными территориями и приобрела не менее миллиона новых подданных. Однако не успел дым пороха рассеяться, как страна забыла о произошедшем – началась российско-турецкая война, мечты об Индии сменились мечтами о Константинополе, а Кокандский поход так и остался полузабытым эпизодом российской истории. Используя как опубликованные и архивные материалы, так и воспоминания, Сергей Абашин рассказывает об основных этапах и событиях похода, дает слово ведущим имперским чиновникам и рядовым офицерам, а также противоположной, кокандской стороне, чтобы ответить на вопросы: почему Российская империя была так устремлена на завоевание Центральной Азии? Кто и как принимал решение о новых походах и присоединении культурно и географически неблизких земель? И почему события 1875–1876 годов в Центральной Азии замалчивались или забывались в имперское и советское время? Сергей Абашин – доктор исторических наук, профессор факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге.

В оформлении обложки использован фрагмент фотографии сарбазов перед ханским дворцом в Коканде. Туркестанский альбом, 1872. Библиотека Конгресса США.

© С. Абашин, 2026

© Д. Черногаев, дизайн серии, 2026

© ООО «Новое литературное обозрение», 2026

Вводное слово

Петербургский храм Спаса на Крови – красивое строение в псевдорусском стиле, построенное в начале XX века на месте покушения на Александра II. Своими необычными для Северной столицы формами и расцветкой храм быстро опознается на фоне окружающей его архитектуры и привлекает многочисленных туристов. Помимо сугубо религиозного предназначения он выполняет также функцию памяти и прославления погибшего императора. На фасаде, по окружности здания расположены доски с надписями о достижениях 25-летней эпохи правления Александра II. Помимо освобождения крестьян, образования земского самоуправления, отмены цензуры и ограничения телесных наказаний несколько досок посвящены активной военной деятельности эпохи его правления, позволившей значительно расширить территорию Российской империи. Одна из таких надписей – «Завоевание Средней Азии 1860–1881 гг.» – содержит 12 пунктов, посвященных одному из сражений или событий.

Гуляя мимо Спаса на Крови с друзьями, я несколько раз ставил эксперимент и спрашивал их, говорят ли им что-нибудь строки «Взятие кокандской крепости Махрам» и «Вторичное взятие штурмом города Андижан». Ответом всегда были молчание и извиняющиеся улыбки, словно ученик не

подготовил домашний урок и не смог ответить на вопрос учителя. Я успокаивал знакомых: увы, в школьных учебниках об этих «взятках» нет ни слова и редко кто теперь может дать правильное объяснение этим фразам. Если о внутренних реформах убитого императора, хотя бы об отмене крепостного права, россиянин, гуляющий вдоль петербургских улиц и каналов, еще имеет представление, сформированное школьной программой, классической литературой или популярными фильмами, то история завоевания Центральной Азии (так я буду впредь называть Среднюю Азию) и основные его события, да и сам факт, что она была когда-то завоевана, а не присоединилась добровольно, является для многих откровением. Эти надписи на стене храма, увековечивающие достижения Александра II, потеряли свой исторический смысл и остались лишь непонятными обозначениями чего-то, что никому уже не известно.

Этот процесс забывания начался давно. 150 лет назад все газеты Российской империи писали об очередном походе в Центральную Азию, который должен был продемонстрировать российскому обществу и всему миру мощь русского оружия, героизм русского солдата, мудрость и решительность русского правления, цивилизаторскую миссию русского мира. Поход против Кокандского ханства 1875–1876 годов закончился сокрушительной победой: враг, объявленный варваром, был повержен, победители осыпаны наградами, Российская империя увеличилась еще минимум на

50 тысяч квадратных километров, равных по площади двум территориям Крыма, и приобрела почти 1 миллион новых подданных. Однако не успел дым пороха этой войны рассеяться, как российское общество забыло о произошедшем, полностью переключив свое внимание на начавшуюся Российско-турецкую войну и освобождение славян от «османского ига»; мечты об Индии сменились мечтами о Константинополе. Кокандский поход так и остался в российской истории в тени других громких побед эпизодом, причины, ход и последствия которого не были толком осмыслены и включены в российскую память.

В предлагаемой книге я намерен восполнить этот пробел в современной российской памяти и рассказать об этапах и событиях Российско-кокандской войны 1875–1876 годов. Для этого был выбран жанр не сугубо академического издания с множеством ссылок, историографией и теоретическими дебатами, а популярного поветствования, знакомящего читателя с этой историей в облегченной описательной форме. Я изложу в хронологической последовательности все основные факты, которые относятся к Кокандскому походу, дам слово имперским чиновникам и рядовым офицерам, объясняющим свои планы и впечатления, а также представителям противоположной, кокандской стороны, по-своему воспринимающей произошедшее, покажу, какие оценки давались и даются этим событиям в исторических исследованиях, что и как мы помним или забыли. Фактологиче-

скую часть я буду сопровождать более общими комментариями о причинах, логике и последствиях российского завоевания Центральной Азии в XIX столетии. Свою задачу я вижу не только в том, чтобы вспомнить сам Кокандский поход 1875–1876 годов, но и ответить на вопросы, почему Российская империя была устремлена на завоевание Центральной Азии, кто и как принимал решение о новых походах в культурно и географически неблизкие земли, почему мусульманские центральноазиатские государства оказались относительно легкими жертвами таких завоеваний, почему именно Коканд единственный из трех наиболее крупных тогдашних центральноазиатских государств (Хивинское ханство, Бухарский эмират, Кокандское ханство) был аннексирован, а не сохранился в форме протектората.

Основными источниками для написания этой неакадемической книги послужили подробные сведения о Кокандском походе, изложенные в монографиях Андриана Серебренникова и Михаила Терентьева, а также воспоминания Андрея Боголюбова, Александра Брянова, Аркадия Вейнберга, Василия Зайцева, Алексея Куропаткина, Михаила Михайлова, Владимира Наливкина, Михаила Скобелева, К. Трионова и другие документы. Труды советских историков Хайдарбека Бабабекова, Бегималы Джамгерчинова, Нафтулы Халфина дополнили известные факты новыми материалами и интерпретациями, которые также помогли реконструировать кокандские события. В последние годы вышло несколько но-

вых книг на русском и английском языках о Кокандском ханстве и его завоевании, авторами которых являются Бахтияр Бабаджанов, покойный Тимур Бейсембиев, Александр Моррисон, Скотт Левай, появилось также большое количество публикаций на кыргызском, таджикском и узбекском языках. Их данные и выводы были использованы в этой работе, которая обращена не к историкам-профессионалам и не претендует на академическую строгость и полноту. Моя задача более скромная и скорее популяризаторская – привлечь внимание российского и русскоязычного читателя к прошедшему историческому юбилею, познакомить с одним из полузабытых эпизодов совместной истории Центральной Азии и Российской империи и вспомнить о неоднозначных вопросах, которыми задавались историки в связи с этим событием.

Глава 1. Российская империя и Коканд

Зачем Россия шла в Центральную Азию?

Завоевание Центральной Азии длилось несколько десятилетий. Его даты зависят от того, каким событием этот процесс начинать и каким заканчивать. Нередко отправной точкой считается инициированный Петром Великим неудачный поход в Хиву 1717 года под началом Александра Бековича-Черкасского. Очередным эпизодом, если не считать военных предприятий против казахов, был также закончившийся неудачей Хивинский поход 1839–1840 годов, предпринятый оренбургским генерал-губернатором Василием Перовским в период правления Николая I, который также закончился неудачей. Пожалуй, настоящим началом можно считать захват в 1853 году кокандской крепости Ак-Мечеть (позже Перовск, нынешний город Кызылорда) и части Семиречья в 1854 году, где был основан город Верный (ныне Алматы). Впрочем, после такого удачного начала дальнейшее продвижение на юг приостановилось.

Самая интенсивная российская завоевательная политика

в регионе происходила при Александре II. В 1860 году российские войска разбили кокандскую армию у селения Узун-Агач, захватив кокандскую крепость Пишпек (нынешний Бишкек) и все Семиречье. В 1864 и 1865 годах были взяты штурмом города Чимкент (ныне Шымкент) и Ташкент, в 1866 году – города Ура-Тюбе и Ходжент (ныне Истаравшан и Худжанд), в 1868 году – город Самарканд, в 1871 году – Кульджа (из которой позже российские войска были выведены, а город возвращен Китаю), в 1873 году – Хива, в 1875–1876 годах – Коканд и Ферганская долина, в 1881 году – туркменская крепость Геок-Тепе. В 1883–1885 годах, уже при Александре III, в состав Российской империи вошли Мерв (нынешний Мары) и долина реки Кушка на границе с Афганистаном, а в 1893–1895 годах, при Николае II, российские военные отряды выдвинулись на Памир и основали пограничный форпост в крепости Хорог. Вступив в непосредственное соприкосновение с Афганистаном и Персией, входившими в сферу влияния Британской империи, а на востоке – с Китаем, Российская империя завершила дальнейшие территориальные приобретения на Среднем Востоке.

Историки, и не только они, на протяжении уже минимум столетия задаются вопросом, что тянуло россиян в Центральную Азию в XIX веке, регион в то время весьма труднодоступный, отгороженный пустынями и горами и совершенно чужой по климату, религии и языкам. Самый быстрый и простой ответ на этот вопрос обычно выглядит так:

Российская империя защищалась от постоянных центральноазиатских набегов на российские территории и торговые пути. Примерно так министр иностранных дел Александр Горчаков в 1864 году, перед захватом Ташкента, оправдывался перед европейскими политиками:

<...> более цивилизованное государство в интересах безопасности своих границ и своих торговых отношений имеет определенное превосходство над теми, кого их беспокойный и неустроенный характер делает наиболее нежелательными соседями... <...> племена на границе должны быть приведены в состояние более или менее полного подчинения. Достигнув этого результата, эти племена переходят к более мирным обычаям, но, в свою очередь, подвергаются нападениям более отдаленных племен... Отсюда необходимость дальних, дорогостоящих и периодически повторяющихся экспедиций против врага, которого его социальная организация делает невозможным для захвата... Азиатам свойственно не уважать ничего, кроме видимой и осязаемой силы; моральная сила разума и интересов цивилизации еще не властны над ними. В этом случае работу всегда приходится выполнять заново с самого начала.

Однако самый простой ответ, как правило, является самым неубедительным. Трудно себе представить, чтобы жители Ферганской долины или Мургабского оазиса представляли военную угрозу для находящихся в 2–2,5 тысячах ки-

лометров Оренбурга или Томска; скорее, наоборот, настойчивое приближение российских войск к границам центральноазиатских ханств стало явной угрозой для последних и вызвало отчаянные попытки сопротивления. То, что петербургские чиновники описывали как агрессию новых соседей, было в действительности защитой от имперской агрессии.

Другой ответ на вопрос о причинах завоевания Центральной Азии подразумевает проблему не столько в агрессивности маленьких и слабых мусульманских государств региона, сколько в соперничестве Российской империи с другими империями, прежде всего с Британской и отчасти Цинской (Китайской): Британская империя, постепенно с юга захватывая Средней Восток, несла потенциальную угрозу России, вынужденной принимать меры для обороны на дальних рубежах, продвигаясь навстречу своему глобальному сопернику с севера. То есть российский захват Центральной Азии был необходим для создания военного плацдарма против самой Британии, точнее против ее главной колонии – Британской Индии, чтобы этой угрозой блокировать английскую активность в других частях мира, в частности в Европе и на Балканах, чрезвычайно важных для Российской империи. Совсем неслучайно, как указывают историки, центральноазиатское направление экспансии стало приоритетным после поражения в Крымской (Восточной) войне. Причем результаты этих новых побед можно было конвертировать в поддержку за Россией статуса великой державы. Скобелев, один из глав-

ных героев центральноазиатских походов, в одной из записок писал незадолго до смерти: «Всю Среднюю Азию можно было бы отдать за серьезный и прибыльный союз с Англией, по достижении указанных результатов на Босфоре, так как вся Средняя Азия имеет для нас временное политическое значение». Тема этого соперничества, получившего название «Большой игры», была популярна в XIX столетии, остается популярной и сегодня.

Российские грезы об Индии и Индийском океане, без сомнения, влияли на политическое и военное воображение российских военных и чиновников, а Центральная Азия была необходимым этапом и символическим пунктом в этом плане. В 1717 году Петр Великий, отправляя в Хиву князя Бековича, напутствовал его приказом найти речной путь в Индию. В 1801 году в Индийский поход отправилось по решению Павла I многотысячное Донское войско, но убийство императора прервало это движение.

Впрочем, и такое объяснение движения империи в центральноазиатскую сторону выглядит слишком прямолинейным. В многочисленных дебатах по поводу состояния дел в том же Кокандском ханстве «индийская тема» практически не звучала и никак не определяла ход событий, быстрая смена планов от поддержки ханской власти до ее устранения, от установления протектората до ликвидации независимости диктовались множеством сиюминутных обстоятельств. Скорее уж главную опасность для планов движения на юг рос-

сийские политики и военные видели в объединении местных мусульманских государств и создании самостоятельно-го единого «мусульманского» фронта против России. Здесь уж было не до Индии и Британии, но, впрочем, как только пушки замолкали, военные и политики опять возвращались к обсуждению любимой темы о том, как использовать ново-завоеванные земли для индийского похода.

Наконец, отдельным объяснением мотивов российской завоевательной политики в Центральной Азии является эконо-мический фактор: желание нарождающейся российской буржуазии захватить новые рынки сбыта и богатые ресурсы, а также контролировать торговые пути с Китаем и Средним Востоком. Один из имперских экспертов давал такую опти-мистичную оценку в 1888 году:

Средняя Азия является необходимым дополнением России, как потребительный и производительный район... Избыток русской производительности поглощается Азией; драгоценные дары Средне-азиатской природы необходимы для России. В этом торговом круговороте, в этом экономическом союзе мы видим залог блестящего будущего. Россия, вливая свою свежую и молодую жизнь в одряхлевшее тело Азии, сообщит ей новые силы; Азия поможет нам освободиться от экономического ига. Страны Запада сжимают нас в железных тисках, стесняют свободное развитие нашей торговли и промышленности; русская сила пройдет на простор,

в приволье безбрежных равнин срединной Азии. Таким образом, экономическая свобода, самостоятельность и могущество России коренятся в сердце Азии.

В советское время взгляд на экономику и капитализм как движущие силы российского движения в Центральную Азию только окреп. Разделявший марксистский подход к истории Василий Карпыч в работе «К истории завоевания Туркестана российским капитализмом» (1929) убеждал своих читателей: «Нельзя „англо-русское соперничество“ превращать в какую-то самодовлеющую категорию, оторванную от насущных интересов русской буржуазии, и эту абстрактную причину ставить во главу угла причин завоевания Средней Азии»; «Завоевание Средней Азии не было экономически необдуманном военным походом».

Более конкретная версия экономического объяснения причин завоевания Центральной Азии заключается в том, что империю интересовал прежде всего хлопок, который выращивался в регионе. Как раз в начале 1860-х годов в Соединенных Штатах Америки, главном поставщике хлопкового волокна на российские текстильные предприятия, началась гражданская война Севера и Юга, что привело к кризису хлопковой торговли. Чтобы не допустить остановки своей промышленности, Россия должна была искать новые источники поступления этого сырья и нашла их в Центральной Азии.

Хотя экономический фактор выглядит привлекательным

объяснением, которое укладывается в представление об экономической природе империализма, взять его в качестве основного оказалось проблематичным. Советский историк Мария Рожкова писала: «Не отрицая определяющего влияния экономического фактора на внешнюю политику царского правительства в целом, можно полагать, что этот фактор в политике в Средней Азии играл хотя и важную, но более вспомогательную роль». С ее точки зрения, купцы и торговые товарищества «служили ширмой завоевательной политики». Обосновывает она это тем, что, хотя риторически российские чиновники часто говорили об экономических выгодах от центральноазиатских походов, на практике государство в 1860–1870-е годы мало что делало для развития местной экономики, вкладывая средства больше в военную сферу, чем в торговые и промышленные инфраструктуры. Выгода для российского хозяйства от овладения Центральной Азией стала ощущаться через несколько десятков лет после завоевания, в конце XIX столетия, а существенной – превышающей затраты на освоение региона – она стала перед Первой мировой войной.

Такое множество причин и факторов военного движения и административного расширения в сторону Центральной Азии заставило многих современников и историков думать, что само это завоевание было случайным или «эрратическим», то есть спонтанным и неконтролируемым, как назвал его министр внутренних дел Петр Валуев в своем дневнике

за 1865 год, получив известие о захвате генералом Черняевым города Ташкента.

Активный участник центральноазиатских походов Михаил Скобелев писал: «Мы до сих пор в Средней Азии действуем не только без определенного политического плана, но редко задаемся ближайшею стратегической целью при начале экспедиции»; «Приобретение Туркестанского края вышло для России делом совершенно случайным и, как неоднократно заявляли наши государственные люди, скорее бременем ложилось на Россию, чем приносило пользу». Имперский военный историк и стратег Андрей Снесарев, тоже прошедший службу в регионе, в начале XX века так описывал это движение:

<...> инициатива дела, понимание обстановки, обсуждение и подготовка средств, отыскание или придумывание поводов, словом все, что рождало какой-либо военно-политический план, что развивало, заканчивало и проводило в жизнь его, — все это находилось в руках средне-азиатских атаманов, какими были Колпаковские, Черняевы, Крыжановские, Романовские, Абрамовы, Скобелевы, Ионовы и многие другие. Петербург всегда лишь расписывался задним числом, смотрел глазами и слушал ушами тех же средне-азиатских атаманов. Если при этом работали не казачьи банды, а регулярные отряды, то в этом нельзя видеть существенную разницу... Вопрос о поводах являлся делом второстепенным <...> немалую роль

в качестве повода играли честолюбие Черняевых, Скобелевых и пограничные распри и многие другие факторы, вплоть до воровских шалостей соседних кочевников.

В этой точке дискуссия о причинах завоевания обычно возвращается к началу. Хотя стихийные действия и решения российских военных часто опережали планы и решения чиновников Петербурга, назвать походы в Центральную Азию случайными и инициированными исключительно первыми было бы большим преувеличением. В большинстве случаев Петербург – или его представители, вроде военного министра Дмитрия Милютина – сознательно оставлял за своими подчиненными генералами и полковниками свободу действий, понимая невозможность контролировать и определять каждый их шаг на расстоянии тысяч километров в совершенно непонятной (в петербургских кабинетах) обстановке. В любом случае военные экспедиции финансировались, планировались и легитимировались из Центра, у которого в руках оставались все механизмы воздействовать на «атаманов» вплоть до отзыва их с должности. Это был своего рода управляемый и запланированный хаос, который позволял оперативно реагировать на каждую возникающую ситуацию и достигать наиболее эффективного результата в ее решении. И это не говоря о том, что некоторые военные экспедиции – например, в Хиву или в Геок-Тепе – подготавливались и осуществлялись вполне целенаправленно и согласо-

ванно совместными усилиями Петербурга и местной российской администрации. В обоих случаях существовала вполне осознанная стратегия, апеллирующая к геополитическим и экономическим – в разной их комбинации – потребностям Российской империи.

Отвечая на высказывания о том, что завоевание было «личной инициативой местных деятелей», один из участников походов Андрей Боголюбов называл его «естественным ходом событий»: «Таково естественное следствие соседства с нецивилизованными, варварскими народами, которые признают лишь грубую силу», при этом сам процесс расширения границ империи диктуется логикой поиска естественных границ и «роковой необходимостью». Какими бы ни были побудительные причины завоевания, их общий итог рассматривался в категориях необходимости. Как писал в 1880 году военный историк Лев Костенко, «водворение русской власти в Средней Азии оказало великую заслугу в развитии общечеловеческих идей. Произвол, анархия и деспотизм, царившие на землях, ныне нами занятых, не существуют больше... Можно смело сказать, что наши среднеазиатские войны влекли за собой торжество идей правды и справедливости, так как здесь цивилизация вела и ведет борьбу с варварством и невежеством».

Туркестанский край

В 1865 года в составе Оренбургского генерал-губернаторства была образована отдельная Туркестанская область. Само название области символизировало тот факт, что Российская империя окончательно пришла в Центральную Азию и стала одним из ее владельцев – наряду с Кокандом, Бухарой и Хивой. В том же 1865 году российскими войсками под руководством генерал-майора и начальника области Михаила Черняева был захвачен крупный торговый город Ташкент, который после дебатов в Петербурге о возможности создания в нем отдельного протектората был все же включен в состав империи и стал центром российского присутствия в регионе. Воодушевленный победами Черняев готов был продолжать поход в Бухару и Коканд, но вскоре был отозван в Петербург.

В 1867 году, после завоевания еще нескольких кокандских и бухарских городов, вместо области было создано Туркестанское генерал-губернаторство с собственными административными институтами. Согласно принятому тогда же временному положению, край был разделен на две области – Семиреченскую и Сырдарьинскую, с уездными подразделениями. Система управления в российском Туркестане была военно-народной. Это означало, что генерал-губернаторство подчинялось Военному министерству и основные ад-

министративные позиции – включая уезды и города – занимали военные, исполнявшие гражданские функции. «Народные» черты этой системы заключались в том, что самые низшие административные единицы – сельские общества и волости – управлялись выборными представителями из числа местных жителей, которые имели отдельную судебную систему, устроенную по шариату или обычному праву, за исключением некоторых сфер, напрямую контролировавшихся российской судебной системой.

Генерал-губернатором нового административного образования и командующим Туркестанским военным округом был назначен 49-летний генерал-адъютант и генерал-лейтенант (с 1874 года – инженер-генерал) Константин фон Кауфман. Он принадлежал к немецкой династии, принявшей российское подданство и православие, более десятка лет служил на Кавказе и участвовал в военных сражениях с войсками имама Шамиля и армией Османской империи. Состоя в свите императора, он был близко знаком с Александром II, а будучи директором канцелярии Военного министерства, являлся доверенным лицом влиятельного военного министра Милютина. Доверительные личные отношения с Петербургом давали Кауфману возможность во многом самостоятельно определять политику, в том числе внешнюю, относящуюся к Туркестанскому генерал-губернаторству, и лоббировать свои планы, часто минуя формальные согласования с петербургскими министрами. Его статус был известен и му-

сульманским правителям центральноазиатских государств, которые называли генерал-губернатора «ярым-падишахом», то есть «полуцарем».

Кроме Кауфмана политику в Туркестанском крае определяли еще несколько военных. 48-летний генерал-лейтенант Герасим Колпаковский стал военным губернатором Семиреченской области и заместителем Кауфмана на периоды его отъезда из края. И хотя у него отсутствовало высшее военное образование, за его плечами был огромный опыт жизни и деятельности в Центральной Азии, он служил еще с 1850-х годов. 44-летний генерал-майор (с 1873 года – генерал-лейтенант) Николай Головачёв был назначен военным губернатором Сырдарьинской области. В 1873 году 32-летний генерал-майор Виталий Троцкий занял должность начальника штаба Туркестанского военного округа. Вышеперечисленные, а также некоторые другие военные чиновники и принимали основные решения в повседневной жизни и текущей ситуации в Туркестанском генерал-губернаторстве на рубеже 1860–1870-х годов.

Высокая степень самостоятельности туркестанских чиновников была обусловлена рядом обстоятельств. Прежде всего это удаленность региона от Центра и даже относительная удаленность Ташкента от основных областных и уездных центров в самом Туркестане. Вся коммуникация происходила по почтовым трактам и требовала продолжительного времени, не говоря о безопасности перемещения по мест-

ностям с не всегда доброжелательным населением. В ситуациях, когда действовать и реагировать приходилось стремительно и обстоятельства менялись буквально с каждым часом, согласовывать каждый шаг с вышестоящим начальством, тем более с центральным правительством, не представлялось возможным, поэтому многие решения утверждались или отвергались задним числом, что вносило путаницу в распоряжения военных и чиновников разных уровней. Только в 1873 году в Ташкент была проведена телеграфно-проводная связь, и контроль за принятием решений из Петербурга стал более быстрым и интенсивным.

Но более важная причина заключалась в том, что далекая окраина, хотя и была включена в состав Российской империи, находилась фактически на чрезвычайном положении. Центральная Азия была с точки зрения россиян абсолютно чуждым в религиозном, культурном и языковом отношении миром. Не просто чуждым, но и враждебным, так как мусульмане считались отсталыми и жестокими фанатиками и потенциальными союзниками извечного врага России – Османской империи. Только что ставшие – не вполне по своей воле – российскими подданными жители региона рассматривались, таким образом, в качестве постоянной угрозы. Туркестанское генерал-губернаторство было со всех сторон окружено мусульманскими государствами, которые относились к россиянам как нелегитимным захватчикам и неверным (кафирам). Наконец, близкое соседство с Ки-

таем, Британской Индией и находившимся под протекторатом Британии Афганистаном дополняло картину глобальных опасностей и одновременно предоставляло почву для самых фантастических и, как казалось, реальных проектов новых походов. При таком внутреннем и внешнем положении законы и правила, действовавшие во внутренних губерниях Российской империи, как и система международных договоров по аналогии с Европой, не могли распространяться на Центральную Азию. Необходимые правила и неформальные отношения с местными жителями и элитами, в том числе с китайскими и британскими партнерами-соперниками, нужно было вырабатывать на месте – путем внимательного изучения, наблюдения, контакта, проб и ошибок. Это предполагало самостоятельность и инициативу военных наместников в Туркестане, действовавших не дожидаясь инструкций чиновников из Петербурга, где слабо представляли себе здешнюю обстановку.

Туркестанский край на рубеже 1860–1870-х годов не был ни доходным экономическим предприятием, ни территорией, привлекательной для колонистов-переселенцев; экономическое освоение региона россиянами только-только началось. В тот момент это была фактически военная база. Две трети государственных расходов, которые приходились в этот период на Туркестан, предназначались на содержание войск и военное управление: большинство россиян здесь были военными, военными чиновниками, составлявшими но-

вую управленческую бюрократию, или бывшими военными, которые после увольнения оставались там в качестве своеобразного военнообязанного резерва. К гражданским лицам относились семьи военных и бывших военных, некоторые государственные или частные служащие, немногочисленные предприниматели и их работники, причем в особых случаях и их могли поставить под ружье. Шла постоянная ротация российского населения: одни приезжали – другие уезжали. Россияне жили в отдельных поселениях – «русских» городах или кварталах – рядом с «туземными» городами. Такие поселения или городские кварталы включали казармы, военно-хозяйственные постройки и жилые кварталы вокруг крепостей, которые должны были служить защитой от нападений внутреннего и внешнего врага. В небольших городах часто вовсе не было гражданских людей – только военные чиновники и военные, представлявшие здесь российскую власть.

Основной мотивацией россиян в Туркестане, помимо исполнения приказов, были желание отличиться в военных походах, заработать награды, чины и славу. Многие офицеры делали в Центральной Азии стремительную карьеру и потом переезжали в другие регионы Российской империи, а самые удачливые из них – в Петербург. Дополнительным плюсом для россиян, оказавшихся в постоянно воюющем регионе, была возможность легально или нелегально заработать, в том числе грабежом местного населения во время воен-

ных действий, на что начальство закрывало глаза, а то и вообще поощряло. Военные чиновники, пользуясь бесконтрольностью, могли также заработать присвоением казенных денег или незаконными поборами с местного населения. Об этом знали в Петербурге и в канцелярии генерал-губернатора, время от времени проводились расследования и наказывались виновные, но это не предотвращало новые нарушения, покуда регион представлял собой серую зону с военным режимом вместо полноценной и умиротворенной территории империи. О дурной славе Туркестана того времени можно судить по роману Михаила Салтыкова-Щедрина «Господа ташкентцы».

Кокандское ханство

Кокандское государство сформировалось в XVIII веке. Оно зародилось в Фергане – долине длиной около 300 и шириной до 200 километров, окруженной горными хребтами и высокогорными плато, на юге-востоке Центральной Азии. Реки Нарын и Карадарья, стекающие с гор на востоке, образуют реку Сырдарью, которая проходит на запад долины, выходит из нее и дальше несет свои воды к Аральскому морю. Несколько других горных рек образуют на севере и юге Ферганы оазисы, благоприятные для ведения ирригационного земледелия и оседлой жизни. Центрами этих оазисов и крупнейшими ферганскими городами в XIX столетии были Ходжент (в западной части), далее на восток – Коканд, потом Маргелан (ныне Маргилан), Андижан и в самой восточной части – Ош, а на севере долины, на левом берегу Сырдарьи – город Наманган. Кроме крупных городов были небольшие, такие как Канибадам, Ассак (ныне Асака), Касан, Чуст, Узген, а также огромное число крупных и крошечных селений-кишлаков. Население ханства к 1870-м годам составляло около 1 миллиона человек, не менее трети были кочевники и полукочевники. Основное население долины – узбеки и таджики (которые в прошлом часто именовались сартами), кроме них здесь можно было встретить кашгарцев (родственных современным уйгурам), арабов, еврей-

ев и представителей других народов. Оазисы перемежались степными и пустынными землями, которые занимали полукочевники – турки и каракалпаки. В горах и горных ущельях основной хозяйственной деятельностью было скотоводство, связанное с вертикальным кочевничеством, в предгорьях им занимались кипчаки, в горах – кыргызы (которые в XIX веке в русских источниках именовались каракиргизами, или «черными киргизами»)*. Через долину проходили торговые пути с востока на запад и север: из Кашгара в Самарканд и Бухару, далее в Афганистан и Персию или в долину реки Ахангарон и далее в Кипчакскую степь и Россию. Интенсивные движения по этим путям связывали Фергану с соседними регионами и включали ее в большой мусульманский и евразийский мир.

Только в глубокой домусульманской древности в Фергане было отдельное государственное образование. На протяжении же многих столетий долина была окраиной государств, центры которых располагались в Бухаре или Самарканде, реже она находилась под влиянием государств, созданных в Кашгаре. Это подчинение, однако, никогда не являлось полным, Ферганская долина пользовалась некоторой автономией.

* В советское время термин «каракиргызы», которым именовались кыргызы, был заменен в русском языке названием «киргызы», сохранившимся в российской историографии до сих пор. Чтобы избежать путаницы с разными наименованиями, я использую в настоящей книге самоназвание «кыргызы» и производные от него – за исключением цитат, названий ряда работ и официальных наименований.

ей, иногда даже местные правители вели самостоятельную политику. Самый известный ферганский уроженец – Мухаммед-Захир, известный под псевдонимом Бабур – принадлежал к династии потомков завоевателя Тимура (Тамерлана) и получил долину в свою автономную вотчину. В своих воспоминаниях Бабур с ностальгией вспоминает свое детство в Фергане. При этом амбициозный юноша не остался в родных местах. Дважды потерпев поражение в борьбе за Самарканд, он бежал в Кабул, где и был похоронен, успев основать будущую Могольскую империю.

В первой половине XVIII века Аштарханидское ханство, столицей которого была Бухара, вступило в череду внутренних и внешних кризисов. Как только централизованный контроль ослаб, окраины, в том числе Ферганский удел, фактически зажили отдельной жизнью под началом собственных правителей, лишь формально признававших центральную власть. В долине в борьбе местных элит за ведущие позиции победили представители узбекского племени мингов, которые основали свою правящую династию. В противостоянии с Бухарой, в которой на смену Аштарханидам пришла узбекская династия мангытов, с одной стороны, и калмыкской Джунгарией, а затем китайской Цинской империей – с другой, кокандские правители на протяжении столетия накапливали легитимность, политическую, военную и экономическую силу. В 1806 году ферганский правитель Алим, сын Нарбутабия, почувствовав достаточную мощь, присвоил

себе независимый титул хана, что было вскоре обосновано якобы его происхождением от Бабур и через того – от Чингисхана; с этого момента можно отсчитывать существование Кокандского ханства. Позже члены династии присвоили себе также титул сейидов, то есть потомков Пророка, подкрепив свою легитимность исламом.

Первая половина XIX столетия была взлетом Кокандского ханства. Его правители активно укрепляли свою власть, создали бюрократическую систему и унифицировали законы, чеканили свою монету, развивали сельское хозяйство и торговлю, поощряли культуру и образование. Профессионализация наемной армии позволила Коканду вести агрессивную внешнюю политику, итогом которой было подчинение новых территорий за пределами Ферганской долины: был захвачен прежде самостоятельный Ташкент и прилегавшие к нему районы по течению Сырдарьи вплоть до Аральского моря; кокандские отряды обосновались в Семиречье и построили там крепости; в зависимость были поставлены припамирские владения Каратегин и Дарваз, удачный поход в Кашгар позволил добиться от Китая преференций в торговле. Одновременно налаживались дипломатические связи Коканда с Османской и Российской империями.

В 1842 году Кокандское ханство потряс мощнейший политический кризис. Обострившиеся в последние десятилетия и годы отношения Бухары и Коканда, а также военный спор за Ходжент, Ташкент и Ура-Тюбе закончились вторже-

нием в Фергану войск бухарского эмира Насруллы и казнью кокандского правителя, племянника Алимхана – Мадалихана, его ближайших родственников и сподвижников. Вскоре, во многом усилиями ферганских кочевников – кипчаков и кыргызов, бухарцы были изгнаны и ханство восстановлено, но ханом был провозглашен Шерали, представитель одной из боковых ветвей династии мингов, восходившей к старшему брату Нарбутабия – Хаджибию. Потомки прежде правившей ветви бежали в горный Каратегин и время от времени угрожали вернуться на престол, что стало одной из причин постоянных новых конфликтов в Коканде.

Кокандское ханство вернуло себе большую часть прежней территории, в том числе Ташкент и Семиречье. Однако прежняя налаженная бюрократическая машина была разрушена бухарским вмешательством, централизованную власть сменила постоянная борьба и конкуренция различных кочевых и полукочевых группировок, каждая из которых выбирала и поддерживала одного из представителей старой и новой ветвей династии мингов. Многочисленные претенденты на престол – братья, отцы и сыновья, дядья и племянники – свержали друг друга, окружая себя новой элитой. Большинство претендентов на престол имели лишь номинальную власть, вместо них фактически правили влиятельные представители племен и военизированных группировок, из числа которых можно упомянуть кипчака Мусульманкула и кыргыз-кипчака Алимкула как наиболее влиятельных и факти-

чески руководивших государством.

Как можно характеризовать состояние дел в Кокандском ханстве к моменту завоевания его Российской империей в 1870-е годы? Существуют две точки зрения. Сторонники первой (их большинство) считают, что это было отсталое, нежизнеспособное государство, находившееся в постоянной внутренней и внешней войне и непрекращающемся кризисе. Причины этого кризиса объясняют по-разному: столкновением оседлой и кочевой элит, мусульманским фанатизмом, который препятствовал развитию технологий и наук, удаленностью от основных, прежде всего морских, коммуникаций, которые бы давали возможность накапливать капитал и заимствовать достижения модернизирующегося мира. Немногочисленные сторонники второй точки зрения полагают, что, пусть с опозданием, Кокандское ханство, как и вся Центральная Азия, развивалось, постепенно модернизировалось и входило в современный глобальный мир: стремились централизовать управленческую систему, строило ирригационные системы, поощряло торговлю и поднимало экономику, изучало и постепенно вводило новшества в военную сферу, в повседневный быт. Согласно такой трактовке, кризисы, сотрясавшие Коканд во второй половине XIX века, были результатом не столько государственной недееспособности, сколько имперско-российского вмешательства, которое заставляло местные общества перенапрягать силы, отвлекаться от внутренних преобразований и усиливало среди

них конкуренцию.

Худаярхан

Одной из ключевых фигур в постоянной междоусобной войне во второй половине XIX века стал Худаярхан (полное имя Сейид-Мухаммед-Худаярхан), средний сын Шералихана из потомков Хаджибия. После убийства отца и кратковременного правления соперника из другой ветви династии мингов, в 1845 году, при содействии Мусульманкула и стоявших за ним кипчаков, в 16 лет он был провозглашен новым ханом. Кипчакский лидер, теряя власть и снова возвращая ее себе, был при нем фактическим правителем, именно он определял внутреннюю и внешнюю политику ханства. Спустя некоторое время возмужавший Худаяр, используя недовольство разных групп населения кипчакским господством, желая выйти из-под опеки Мусульманкула, обвинил его в измене и в 1853 году по требованию своих новых союзников, хотя и, предположительно, против своего желания, казнил Мусульманкула и многих других кипчакских лидеров, конфисковав их имущество. В том же году Коканд впервые вступил в прямой военный конфликт с Россией и потерял свой северный форпост, крепость Ак-Мечеть, а вскоре вынужден был отдать россиянам обширную территорию Семиречья.

В 1858 году Худаярхан потерпел поражение от старшего – от другой матери – брата Малла, который, возглавив заговор кыргызов и кипчаков, взошел на кокандский трон

и стал проводить агрессивную политику в отношении Бухары. В 1862 году Маллахан был убит, и в Коканд, при поддержке бухарского эмира Музаффары, вернулся Худаярхан. Однако второй срок его правления был недолгим: очередное восстание кыргызов и кипчаков против бухарского влияния заставило Худаяра вскоре покинуть престол. Фактическим правителем стал кыргыз-кипчак Алимкул, действовавший от имени одного из сыновей Маллахана. Смена власти совпала с активизацией россиян, которые захватили города Авлие-Ату (ныне Тараз), Чимкент и Туркестан, затем оккупировали Ташкент. Алимкул, который упорно сражался с иноземным противником, в 1865 году был убит в бою, и Худаярхан, вновь опираясь на военную поддержку бухарцев, в третий раз вернулся на кокандский трон и призвал ферганских кочевников к миру, дав им должности при своем дворе.

В 1866 году российские войска захватили Джизак, Ура-Тюбе и Ходжент, долгое время остававшиеся предметом спора между Бухарой и Кокандом. Худаяр, хотя и собрал у своей границы войско, на помощь бухарцам, недавним союзникам и патронам, не пришел, предпочитая не ссориться с Россией. Так между Бухарским эмиратом и Кокандским ханством возник своеобразный клин российской территории. Прямые контакты между двумя прежде соседними государствами прервались. Оренбургский генерал-губернатор Николай Крыжановский потребовал «принять относительно

Коканда тон высокий, третировать Худаярхана как человека, который по положению своему должен быть вассалом России. Если обидится и будет действовать против нас, тем лучше, это даст предлог покончить с ним».

Положение дел в ханстве, по оценке современников, выглядело так: «Состояние военной администрации чрезвычайно дурно, войска мало и те вооружены и одеты дурно; продовольствие вовсе не заготовлено, и нет хлеба на рынках для продажи; денег обращается чрезвычайно мало, казна совершенно истощена, а источников для пополнения ей почти не существует <...> в народе существует чрезвычайная бедность, торговля в упадке». Кокандское ханство утратило почти все территории, завоеванные в первой половине XIX века, и вернулось к своим изначальным географическим границам Ферганы. Ключевые коммуникации и торговые пути с запада и севера теперь были заперты Россией. С востока Коканд граничил с новым государством Кашгар, созданным в результате мусульманского антикитайского восстания в 1864 году. И хотя выходцы из Коканда сыграли ключевую роль в создании этого нового государства, отношения между Кокандом и Кашгаром – точнее, между Худаярханом и кашгарским правителем Якуббеком – были не слишком дружественными, так как последний был соратником Алимкула и принадлежал в прошлом к враждебной Худаяру кокандской партии. С юга соседями Коканда были небольшие и слабые княжества (бекства) Каратегин и Дарваз, расположенные

в малодоступных горных долинах.

В этой новой конфигурации сил в Центральной Азии Худаярхан, которому для внутренней стабильности и сохранения власти требовалась внешняя поддержка и который раньше получал ее от Бухары, решил опереться на россиян. Такое решение было нелегким. Многие группы кокандской элиты – особенно военной из кипчакских и кыргызских племен – возражали, но вес других групп, прежде всего торговой городской элиты, оказался более значим. Мирза-Хакимбай, который бывал в России и представлял интересы купцов, полагал, что война с громадной и могущественной империей будет гибельной для Коканда и только заключение мира спасет Коканд от вторжения россиян; Худаярхан прислушался к его мнению и сделал главным переговорщиком с Ташкентом, дав чин дадха, а в 1872 году – один из высших чинов, парваначи.

Узнав о назначении Кауфмана новым начальником Туркестанского края, Худаярхан предложил примирительный тон: «Мы рабы Бога и молимся чистым сердцем. Все люди происходят от Адама и потому да царствует кротость между царями! Бог указал нам, прежде всего, жить в мире друг с другом. Исполнив заповедь Бога, создавшего 18 тысяч народов, я начинаю: дружба и приязнь есть вино – кто попробует одну каплю, тот забует все горе, все неудовольствия и развеселится». Кауфман ответил жестко: «Я не трону тех, кто дорожит дружбой великой русской земли, но горе тем, кото-

рые не поймут благодетельных видов миролюбивого Белого царя: войска его Величества всегда готовы, по знаку моему, наказать беспокойного соседа, и никакие крепости, никакие вооружения не спасут тогда виновного».

Уже в декабре 1867 года Кауфман предложил Коканду заключить договор о торговле, заявив, что считает дело решенным, так как не допускает и мысли, чтобы хан мог не согласиться на такие справедливые требования. Договор носил сугубо экономический характер и включал пять пунктов:

1. Все города и селения Коканского* ханства, без исключения, будут открыты для русских купцов, подобно тому, как и все русские рынки доступны коканским торговцам.

2. Русским купцам будет дозволено иметь в Коканских городах, где сами пожелают, свои караван-сарай, в которых бы они могли одни складывать свои товары. Тем же правом будут пользоваться и коканские купцы в российских городах.

3. Для наблюдения за правильным ходом торговли и за законным взиманием пошлин предоставляется русским купцам право иметь, если пожелают, во всех городах Коканского ханства торговых агентов (караван-башей). Право это предоставляется и коканским купцам в пределах Туркестанского края.

4. Со всех товаров, идущих из русских пределов

* В XIX веке в русском языке сосуществовали варианты написания «Коканд» и «Кокан».

в Кокан, или оттуда в Россию, будет взиматься столько же, сколько в Туркестанском крае, т. е. по 2 ½% со стоимости товаров, во всяком случае не более, чем взимается с мусульман, коканских подданных.

5. Русским купцам с их караванами предоставляется свободный и безопасный проезд чрез коканские земли в соседние с Коканом владения, точно так же, как и коканские караваны пропускаются чрез русские земли.

Договор, таким образом, создавал для россиян приоритетные – по сравнению с другими странами, прежде всего с Британией, – условия торговой деятельности в Коканде. Как писал директор Азиатского департамента российского МИДа Петр Стремоухов, «главная цель всех наших действий в Средней Азии заключается в развитии нашей торговли и предоставлении ей возможно большего числа новых рынков. Чем успешнее будут наши старания, тем значительнее будет ущерб для английской торговли». В тот момент Петербург интересовала не столько возможность прямого влияния на ханства, сколько максимальное ограждение их от британского влияния. Торговля тогда рассматривалась не столько как экономическая цель, сколько как инструмент политического влияния.

Худаярхан поначалу возражал против пунктов о свободном передвижении по кокандской территории, видя в этом, возможно, элементы разведки и даже вмешательства во внутренние дела и опасаясь недовольства и сопротивления

со стороны антироссийской партии. Он также предлагал оставить 15-процентную пошлину на хлопок и просил послать свое посольство в Петербург или получить грамоту с подписью российского императора, что повысило бы статус договора до межгосударственного и дало бы гарантию, что условия договора не будут меняться с каждым новым начальником края, как это происходило до сих пор. Но Кауфман опять ответил резко и угрожающе:

Великий русский царь никогда не дозволит, чтобы в сопредельных с нами государствах было разногласие между ханами и народом. Ваше высокостепенство пишете, что не можете отвечать за проступки некоторых ваших подданных в отношении к русским торговцам. Отвечу вам на это: или они должны исполнять ваши повеления, или они не признают вашего главенство над ними. Народ должен иметь главу над собою. Те из жителей, которые, вопреки вашим повелениям, нанесут вред русским купцам, должны будут подчиниться моим распоряжениям. Я не могу допустить в соседстве своевольных жителей. Общее спокойствие требует подчинения либо вашей, либо моей власти.

Кауфман выслал Худаяру на подпись два экземпляра договора, приложив к ним записку, в которой говорилось, что император дал начальнику Туркестанского края полномочия самому подписывать подобные документы. Худаяру ничего не оставалось, как отозвать свои сомнения и 24 февраля прислать ратифицированный текст вместе с большим изумру-

дом и лучшей лошастью – в подарок генерал-губернатору.

Подписанный договор выполнял сразу несколько задач, помимо регулирования торговых отношений. Во-первых, сам факт заключения договора означал согласие Худаярхана на территориальные изменения границ в пользу России. Во-вторых, он создавал инструмент для постоянного мониторинга ситуации в ханстве и предоставлял повод для вмешательства в дела ханства вплоть до военного вторжения. В-третьих, договор закреплял те неформальные и в то же время зависимые отношения, которые складывались в результате переговоров. Это был первый договор россиян с центральноазиатским ханством, который служил основой при переговорах с Бухарой, Кашгаром и Хивой. Строго юридически в нем не было прямых письменных указаний на статус протектората, а ферганское население и местная элита по-прежнему считали свое ханство независимой страной, но фактически договор придавал легитимность именно таким отношениям российского генерал-губернатора и кокандского хана, которые можно считать вассальными.

Итак, Худаярхан первым среди других правителей Центральной Азии стал активно осваивать свой новый пророссийский статус. Он занял нейтральную позицию в войне России и Бухары, которая случилась в том же 1868 году, и даже поздравил Кауфмана с победой, подтверждая, что не намерен был никаким образом помогать бухарцам. Худаяр направил также письмо на имя императора, в котором писал:

Теперь обнаруживается ясно, что под высокой защитой Вашего Величества мы можем спокойно, без всякого опасения, заботиться как о пользах населения нашего края, так точно об исполнении Ваших желаний, установлением торговых сношений государства Вашего с Коканским ханством.

Эта фраза звучала как признание своего вассального статуса. Российские чиновники даже предполагали сместить Музаффера, который считался слабым правителем, и заменить его на бухарском престоле Худаярханом. Кокандский правитель получил от Александра II титул «светлость» и бриллиантовые знаки ордена Святого Станислава, что символизировало высокий и одновременно подчиненный статус хана и приравнивало хана к российским дворянам и младшим (не правящим) ветвям императорских династий. Следуя своим обязательствам, хан выдал россиянам шахрисябзских беков Джурабека и Бабабека, которые занимали антироссийскую позицию и бежали в Коканд после захвата россиянами Китаба и Шахрисябза и передачи этих городов Бухаре. По настоянию россиян Худаярхан отказался от прежних своих претезаний на горный регион Каратегин в пользу Бухары, правда удерживая прежнего правителя Музаффар-шаха на кокандской территории, а также снабжал российские войска провиантом. Как писал имперский военный историк Михаил Терентьев, «результатом трехлетних наших дипломатических сношений было то, что Сеид-Ху-

даярхан отказался от всякой мысли враждовать с нами или прекословить нам».

В 1870 году была урегулирована граница между Россией и Кокандом. В 1872 году между Ташкентом и Кокандом было заключено дополнительное соглашение, по которому в столице ханства учреждалась должность российского торгового агента (который, впрочем, так и не был назначен), а помимо торговой деятельности российским предпринимателям разрешалось разрабатывать «естественные богатства», то есть развивать промышленность, определялся порядок урегулирования споров между российскими и кокандскими купцами. Худаярхан охотно принимал у себя российских посланников и путешественников, в числе которых были князь Долгорукий, ученые Северцов, Федченко и Струве.

Российский министр иностранных дел писал в 1869 году о «нравственной подчиненности Кокандского ханства по отношению к начальнику Туркестанского края». Ему вторил Кауфман, утверждая, что Худаяр «отказался от всякой мысли враждовать с нами или прекословить нам» и что

дальнейшие отношения наши к Коканду теряют почти вполне характер внешних сношений и принимают значение домашних, более близких, чем существующие между двумя соседними губерниями <...> Становясь в вассальную зависимость в отношении России, Худаярхан отказался еще раньше от всякой самостоятельности во внешней политике своей и представил нам свободное вмешательство и во

внутренние распорядки своего владения.

В том же 1872 году в Ташкент прибыл Насриддин, старший сын Худаярхана и наследник престола (ханзаде), его сопровождал влиятельный чиновник и родственник муллы Иса-авлиё. «Туркестанские ведомости» писали:

Нет сомнения, что поездка Хан-Задэ будет иметь плодотворные результаты. Русское влияние для Кокана – неотразимо, и что всего важнее, оно вносится туда не штыками, не огнем и кровью, а мирным путем, путем обобщения интересов двух соседних стран: Кокана и России. В среднеазиатскую жизнь исподволь, незаметно для самих среднеазиатцев, проникают животворные, европейские элементы, и только немногие приверженцы старого порядка относятся недоброжелательно к этому, новому для Средней Азии, явлению... Во главе этих «передовых людей Кокана» находится сам хан и все его семейство, особенно старший сын хана, бек андижанский, Хан-Задэ.

Насриддин почти три недели провел на российской территории, посетил чиновников, встретился с дамами, представлявшими ташкентское общество, посетил занятия по строевой подготовке солдат, видел различные физические опыты, побывал на конском заводе и в оружейном арсенале, изучал картографию и фотографию, общался с докторами, усердно учил русский язык. Кауфман фактически от имени императора одобрил Насриддина как будущего наследника. «Ре-

лигиозный фанатизм здесь не в большом ходу», заключала главная туркестанская газета. «Не было никакой причины жаловаться на недобросовестность хана», — писала газета «Голос» в 1874 году.

Благодаря российскому покровительству третий срок Худаярхана стал относительно спокойным периодом в истории Кокандского ханства. Согласно описанию Михаила Алибекова, «среднего роста, коренастый с рыжего оттенка окладистой бородой, Худаярхан представлял тип сарта, но речь, манеры, привычки обличали в нем киргиза», он жил просто, почитал мать и после утреннего намаза непременно заходил ее поприветствовать, любил зеленый чай, нарын и плов, любил гулять в дворцовом саду и подсказывать ходы игравшим там шахматистам из дворцовых служащих, часто посещал свой гарем с женами и многочисленными наложницами, в первой половине дня принимал просителей и отдавал распоряжения, а по вечерам обсуждал финансовые выюпросы. Любимая жена Ша-Аим, дочь дарвазского правителя, умерла родами, и отец особенно любил рожденного ею младшего сына Урманбека. Хан часто путешествовал по долине, посещал святые места и охотился, любил устраивать грандиозные пиршества.

В третье правление хану как будто удалось примирить враждующие кланы, раздав их представителям почетные должности при дворе. Худаяр вел активную деятельность по переустройству государства, копируя при этом бухар-

ские порядки. Он упорядочил бюрократию, назначил ответственных за разные сферы деятельности, укреплял профессиональную армию сарбазов, особое внимание уделяя артиллерии, проводил боевые учения, приглашал на службу иностранных военных специалистов, налаживал собственное производство оружия, боеприпасов и снаряжения. Хан и его приближенные развернули широкое строительство мечетей и медресе в ферганских городах, в Коканде был построен знаменитый дворец, который сегодня является одним из главных исторических памятников Узбекистана. Доходы ханства из-за потери значительных территорий уменьшились почти в три раза и составляли, по приблизительным оценкам, 2,3 миллиона рублей. Худаярхан стремился развивать экономику и увеличить государственный бюджет. Росла, в том числе благодаря договору с Россией, внутренняя и внешняя торговля, было начато строительство грандиозного канала Улугнахр, который должен был пройти почти через всю долину, и ряда других ирригационных систем, и, хотя задуманное удалось осуществить лишь отчасти, это позволило оросить значительные территории, поднять уровень жизни населения, привлечь в регион мигрантов, увеличить налоговые сборы. Коканд был крупнейшим торговым партнером России: торговый оборот между ними составил в 1873 году 4,5 миллиона рублей, превысив в почти четыре раза аналогичный оборот между Россией и Бухарой. Можно утверждать, что с 1865 по 1875 годами Кокандское ханство по-

степенно адаптировалось к новому времени и приближалось к модернизационным реформам.

Глава 2. Casus belli

Кризис в Кокандском ханстве

Заклучив договор с Кокандом и добившись лояльности Худаярхана, Кауфман тем самым значительно снизил вероятность солидарных антироссийских действий местных правителей, чего мог опасаться больше всего, так как воевать сразу на несколько фронтов было бы для россиян весьма затруднительно. Это позволило ему сосредоточить свои усилия на подчинение других ханств. В том же 1868 году Кауфман предложил бухарскому эмиру Музаффару заключить подобный кокандскому договор. Получив отказ, он начал военную экспедицию против Бухары, оправдывая ее необходимостью самозащиты. Бухара потерпела поражение, договор был заключен, к тому же были составлены «Дополнение к условиям мира» и «Секретное дополнение к условиям мира», согласно положениям которых Бухара за неповиновение должна была выплатить контрибуцию в 500 тысяч рублей и передать Российской империи города Самарканд и Каттакурган, из которых был образован Зеравшанский округ. В 1870 году российские войска взяли штурмом города Китаб и Шахрисябз, которые в результате бунта, поднятого сыном бухарского эмира, отложились от Бухары; после подав-

ления бунта города были переданы под управление Музаф-фара. Россияне продемонстрировали, что их цель состоит не в ослаблении своего протектората и постоянном откусывании от него территорий, но в усилении бухарской власти при условии, что Россия полностью контролирует последнюю. Российская империя снимала с себя лишние заботы и издержки, связанные с самостоятельной борьбой с любым региональным сопротивлением, передавая эту функцию преданной ей Бухаре.

Не охваченными вассальными договорами теперь оставались лишь Кашгар и Хива. Мусульманское государство Кашгар, или Еттишаар (буквально «Семиградье», иногда – Алтышаар, или «Шестиградье»), было создано недавно, в результате восстания местного населения против китайской империи Цин, которая почти сто лет управляла этой территорией, носившей название «провинция Синьцзян». Во главе Кашгара оказался кокандец Якуббек, которого в 1864 году послал туда с войском для поддержки восстания кокандский военачальник Алимкул. У Якуббека не было предков Чингисидов, поэтому он не имел ханского титула, а возглавляемое им государство не было ханством. Тем не менее, приняв почетный титул «бадаулет», означающий «счастливец», «благословенный», он сумел установить единоличный контроль над отделившейся от Китая территорией и получил признание у соседей и мировых держав, включая Османскую империю.

В 1871 году, опасаясь приближения Кашгара к российскому Семиречью, российские войска оккупировали Кульджинский султанат, маленькое владение, принадлежавшее Синьцзяну, и создали там Кульджинский округ. Россияне признавали китайскую юрисдикцию над этой землей и считали свою оккупацию временной мерой. В 1872 году Якуббек, не желая усугублять отношения с Российской империей, подписал с ней торговый договор с пятью пунктами, аналогичными кокандскому и бухарскому. Однако в этом случае принятая схема подчинения центральноазиатских государств Российской империи дала сбой. Якуббек не вошел в тесные неформальные отношения с Кауфманом и смотрел на подписанный документ исключительно как на коммерческое соглашение. В 1874 году он заключил похожий торговый договор с представителями Британской империи, уравнив статус России и Британии в Кашгаре, а также сблизился с Османской империей, продемонстрировав умение балансировать между конкурирующими империями, или, выражаясь современным языком, проводить «многовекторную политику».

Наконец, в 1873 году российские войска вошли в Хиву, с которой были заключены «Условия мира». Договор включал в себя ту же экономическую часть, что и в договорах с Кокандом и Бухарой, с добавлением пунктов о порядке разрешения споров, о передаче под российский контроль реки Амударьи и пристаней на ней, о выдаче друг другу преступников и отмене рабства. Отдельно в том же договоре

оговаривалась выплата контрибуции размером 2,2 миллиона рублей с рассрочкой на 20 лет и передача Российской империи всего правого берега Амударьи – на этой территории был образован Амударьинский отдел. Договор также официально определял, что хивинский хан пользуется «покровительством» русского царя, признает себя «покорным слугою» императора, отказывается от ведения какой-либо внешней дипломатической, экономической и военной деятельности «без ведома и разрешения русской власти в Средней Азии».

Договор с Хивой первым юридически оформил статус протектората и не скрывал его под видом торговых соглашений. Теперь эта новая форма стала модельной, и в том же 1873 году по хивинскому образцу был перезаключен новый российско-бухарский договор. В последнем, правда, не упоминалось о «покорном слуге» и невозможности вести самостоятельную внешнюю политику, но говорилось о создании института уполномоченных – русского в Бухаре и бухарского в Ташкенте, что создавало официальный инструмент контроля со стороны России за внешней и отчасти внутренней политикой бухарского эмира.

В 1872–1873 годах переговоры Британии и России привели к соглашению, правда, не оформленному в виде договора, о том, что Центральная Азия переходит под контроль Российской империи, Афганистан же остается независимым и нейтральным государством – буфером между Туркестаном и Британской Индией. Соглашение на время сня-

ло вопрос о конкуренции мировых держав в регионе, за исключением Кашгара, и в то же время развязало руки России на территориях, расположенных севернее Афганистана. К 1873 году в Центральной Азии, помимо Туркестанского генерал-губернаторства, оформилось три российских протектората с ограниченным суверенитетом. Попытка создания четвертого протектората в Кашгаре оказалась неудачной. Своей целью россияне теперь видели усиление своих позиций в регионе и преобразование первоначальных торговых соглашений в политические, что и произошло в 1873 году с Хивой и Бухарой.

Теперь настала очередь похожей трансформации в Коканде. К 1874 году стало ясно, что торговый договор уже не может служить достаточной юридической гарантией подчинения Кокандского ханства Российской империи и необходима новая юридическая формула, которая более явно оговаривает условия такого вассального взаимодействия. Это означало, что российская сторона должна была вернуться к соглашениям с Кокандом и перезаключить их на новых основаниях.

Кауфмана стала сильно беспокоить возможность повторения Кокандом политической линии Кашгара, который сумел противопоставить России Британию и Османскую империю и показал пример лавирования между Россией и ее глобальными соперниками. Беспокоил российских чиновников и военных и возможный союз Коканда с Кашгаром. Якуббе-

ка уже называли «главой кипчакской партии» или даже «главой мусульман Средней Азии». Скобелев писал:

Якуббек был звездой первой величины на азиатском политическом горизонте; его победы над китайцами, вражда к русским, сношения с Константинополем и индийским генерал-губернатором, торжественные приемы миссии Форсайта в Кашгаре, обиды, причиняемые купцам, и т. д., вполне оправдывали зоркое внимание, с которым наше правительство следило за Бадаулетом.

Сценарий, в котором Якуббек, пользуясь слабостью Худаяра, постепенно установит свою власть среди киргизов и кипчаков, кочующих в горных районах к востоку от Ферганской долины, и все больше будет влиять на настроения среди кочевников и оседлое население долины, казался вполне реальным в тот момент и очень неприятным для россиян. Скобелев 1876 году писал: «Просушествуй еще несколько лет слабое правительство Худаяра, и все кочевое горное население нынешней Ферганской области, по обеим сторонам ферганского Тянь-Шаня, подчинилось бы Якубу».

Заключенный в 1868 году с Кокандом договор, хотя и ставил Кокандское ханство в зависимость от Российской империи, не гарантировал устойчивость созданной тогда конструкции неформальной зависимости. Россияне провозгласили своей ближайшей задачей учредить в Коканде должность постоянного представителя, взять под контроль назна-

чение на важнейшие должности в ханстве, устранить автономию беков и централизовать управление, сократить кокандские войска и свести их к полицейским функциям. Один из российских экспертов по Центральной Азии Михаил Терентьев писал, что «выполнение нашей программы завлечет нас за пределы наших теперешних желаний», имея в виду введение войск в Ферганскую долину. «Рано или поздно это и случится», отмечал он в 1874 году, «включение Кокана в нашу территорию уничтожит черезполосность, спрямит границу и примкнет ее к снежному хребту, а это все весьма важные удобства». Тогда же Терентьев сформулировал, что Российской империи не стоит ждать повода для нового вмешательства в дела Коканда, «если бы мы захотели придирааться, то из всякого ничтожного повода легко могли бы создать *casus belli*».

Примерно с этого же момента российская риторика в отношении Худаярхана меняется с плюса на минус: из одного из самых верных вассалов России он превращается в ее недоброжелателя и проблему. Кокандскому правителю были предъявлены претензии, что его корысть, желание собрать побольше денег в государственную казну и личный карман через увеличение числа налогов и повышение их ставки ведет к росту недовольства среди населения и вызывает, особенно среди кочевников, регулярные волнения и восстания, которые усиливаются из-за репрессий и жестокости наказаний. Следующий за этим вывод гласил, что Худаяр лишь

притворно демонстрирует лояльность россиянам, а на самом деле не выполняет договоренностей, не желает следовать российским указаниям и советам, а следовательно, готовит почву к антироссийскому возмущению в Кокандском ханстве.

Вот как характеризовал Худаярхана летом 1873 году дипломатической чиновник при туркестанском генерал-губернаторе Николай Стремоухов:

Он не задумывается в выборе средств для достижения своей цели, не останавливается ни перед насилием и обманом, ни перед убийством и жестоким преследованием, противодействий не терпит и держит своих подданных в постоянном страхе. Вся же цель его заключается в одном – наживе, наполнить свою казну за счет подданных. Обладая при этом чрезвычайно трусливым характером, он верит доносам <...> и дает палачам много тысяч (людей) для их деятельности. Алчность, зависть к благосостоянию других, подлая хитрость, безграничная жестокость и страшная подозрительность – суть главные характерные (не самые лестные) черты Худаярхана, настоящего владельца Коканда. Близость русских его очень пугает, но вместе с тем, благодаря своей хитрости, он сумел найти в могучих соседях опору против всего кокандского населения, которое, если бы не боязнь ко вмешательству России в дела ханства, давно бы восстало против него и положило конец его деспотическому владычеству. Притворно выказывая

покорность, дружбу и уважение к России, Худаярхан никогда и ни за что не уступит удобного случая, чтобы стать на стороне наших врагов и, по возможности, больше причинить нам вреда. Он придает очень мало значения своему представителю Мирзе Хакиму, совсем ему не доверяет и держит его только для вида, как бы для поддержания хороших отношений с Россией, которую он одно время дорожил, так как она служила ему охранною стеною против постоянных притязаний на Коканд бухарских эмиров. Теперь же, на самом деле, связь эта почти не существует. Худаяру важна не политика, а те богатства, которые он в огромных размерах выжимает из своих подданных и кладет себе в карман. Мирза Хаким служит ему ширмой для прикрытия его корыстолюбивых замыслов. Если со стороны хана и видны, изредка, некоторые проявления расположения к России, то это делается не вследствие его личного убеждения, а под влиянием совета нынешнего наместника ханства (наиба) Атабека, бывшего некогда коменданта города Пишпека и жившего после взятия этого города русскими в плену, в гор. Омске, где он успел оценить силу и могущество России. Между тем Худаяр, сделавшись скорее не ханом, а богатым купцом-миллионером, становится опасным соседом для России, который со временем будет в состоянии наносить большой вред. С деньгами можно сделать все: нанимать многочисленные войска, хорошо их вооружить, устраивать или на наших границах, или в наших пределах возмущения и т.

д., а тем более, если при этом он найдет помощь в англичанах, которые с давних пор косятся и смотрят очень недоброжелательно на утверждение нашей власти и нашего влияния в Средней Азии. <...> Вообще хан в Коканде не любим, и если выносили его жестокое несправедливое правление, то только из страха вмешательства русских. Все вполне убеждены, что, если жители Коканда были бы уверены, что русские не примут сторону Худаярхана, владычество последнего продолжалось бы недолго.

Другой туркестанский чиновник Николай Петровский повторял те же аргументы: «буржуазный Худаярхан, Людовик-Филипп Кокана» «никогда не понимал и не любил» русских, «он терпел потому» их, «что они защищали его от Бухары и своею дружбой с ними поднимали его в глазах своего народа, и тем самым давали ему возможность обирать этот народ по своему усмотрению», на торговый договор «Худаярхан смотрел <...> как на некую любезность, сделанную в угоду нам, но которую он всегда может и взять обратно».

Донесениям чиновников вторила российская пресса. Газета «Биржа» в 1874 году писала:

Обозревая правление этого хана, которого почему-то совершенно ошибочно зовут русским вассалом, мы видим, что дружба наша с ним не принесла нам никакой пользы. Пользуясь нашим постоянным расположением, нами обласканный, он никогда не был нашим верным человеком и никогда не понимал истинных выгод

сближения своего с нами.

Газета «Голос» утверждала, что Худаяр отстранил про-
российского советника Мирзу-Хакима и стал прислушиваться
к антироссийской партии, произошла «перемена политиче-
ского настроения в Кокане» и «дела идут весьма дурно»;
он «ненавидит русских». Авторы комментария предлагали
«помочь народу» Ферганы, чтобы тот увидел в россиянах не
противника, а союзника, вместо Якуббека.

Поводом для критики стали волнения среди кочевников
на востоке и юге Ферганской долины и появление новых
претендентов на ханский престол, среди которых были пле-
мянник Худаяра Назарбек и внучатый племянник Абдул-
керимбек, а также дальний родственник, внук Алимхана –
Пулатхан. Причиной выступлений называли не соответство-
вавшие шариату и непосильные налоги, которыми обла-
дывал население Худаярхан, нуждавшийся в деньгах на со-
держание армии, бюрократии, на строительство и проведе-
ние празднеств. В частности, российские и местные коканд-
ские источники упоминали повышение обязательного нало-
га закят на скот кочевников и налога на горные садовые
участки, составлявшие важный доход у кочевников. Скобе-
лев в шутку утверждал, что ближайший советник Худаяра
Иса-авлиё якобы даже предлагал разрешать мужьям всего
дважды в неделю сочетаться с женами, а за нарушение за-
кона установить особую подать. В 1873 и 1874 году волне-
ния следовали одно за другим. Кокандскому хану удавалось

успешно справляться с восставшими, но проявление недовольства снизу спровоцировало конфликты и противоречия в кокандской верхушке. Начались казни и репрессии, что больше вносило сумятицу в повседневную жизнь ханства.

Сведения о волнениях в Фергане, приумноженные слухами, что в Фергану якобы вторглись отряды из Кашгара и что восставшие захватили Андижан или Наманган, порождали у российской стороны нервозность. Некоторые группы повстанцев обращались за помощью к россиянам или переходили на российскую территорию, спасаясь от преследований. Российские власти обсуждали ряд сценариев вмешательства. Первый, самый предпочтительный, заключался в укреплении власти действующего хана Худаяра по аналогии с бухарским эмиром Музаффаром и хивинским ханом Сейид-Мухаммед-Рахимом. Для этого требовалось, чтобы кокандский правитель более последовательно придерживался пророссийской позиции, удалил из правительства анти-российски настроенных чиновников, установил более централизованное управление регионами и проводил более гибкую налоговую политику. В случае необходимости, опять же по аналогии с Бухарой и Хивой, россияне могли помочь Худаяру военной силой удержать власть. Второй сценарий – менее желательный из-за усиления неопределенности в Коканде, но вполне вероятный – допускал, что, если элита восстанет против Худаяра или он откажется выполнять все российские требования, хан будет низложен, бежит или погибнет,

чему не стоит препятствовать, а, напротив, следует наладить хорошие отношения со следующим правителем и пришедшей к власти партией. В таком случае желательно было способствовать приходу к власти сына Худаяра Насриддина, который, как отмечал один из чиновников, «вполне предан нашим интересам». При этом не исключалось, что престол захватит другой претендент, который откажется от исполнения договора с Россией, и в таком случае потребуются «понукающие меры и вооруженное вмешательство». Оба варианта предполагали сохранение и даже усиление вассальных отношений России с Кокандом при сохранении «как будто тень независимости», а также возможность проведения военной операции для укрепления позиции вассала и демонстрации российской силы. Наконец, в крайнем случае допускалось завоевание Коканда и включение его в состав Российской империи.

Несмотря на понимание того, что скоро что-то придется предпринимать, в том числе военными средствами, ни Кауфман, ни Петербург не имели четкого плана, на какой из сценариев ориентироваться: поддерживать Худаярхана или найти другого претендента на роль правителя, в том числе Насриддина, вводить войска в Фергану или не вводить, обеспечить дальнейшее существование Кокандского ханства или ликвидировать его. К лету 1875 года Кауфман как будто определился: он намеревался усилить давление на Худаярхана, потребовать от него действовать более решительно,

но проявлять гибкость и внимательнее относиться к российским требованиям.

Посольство Вейнберга

13 июля (все даты далее даются по старому стилю) 1875 года в Коканд прибыла российская делегация. Ее возглавлял дипломатический чиновник от Министерства иностранных дел при туркестанском генерал-губернаторе коллежский советник Аркадий Вейнберг. Последний уже был в Коканде за год до этого, у него остались от поездки мрачные впечатления, и он был сторонником более активного российского вмешательства в дела ханства. Задачи нового посольства формулировались туманно: «Передача словесных внушений касательно образа действия его [Худаярхана] с подвластными ему кочевниками, народом и отношений его к России», «передача неудовольствия за нелюбезный прием и невнимание, оказанные им в зиму 1874 г. русским чиновникам, приезжавшим в Коканд». Речь, видимо, шла о желании присмотреться ближе к тому, что происходило в ханстве, одновременно продемонстрировать моральную и даже военную поддержку Худаярхану – для этого делегацию сопровождали два десятка вооруженных казаков, – а также обсудить дальнейшие возможные шаги россиян, необходимые для укрепления позиций хана. Кауфман выделил 20 тысяч рублей на подарки хану и его приближенным.

Вейнберга в поездке сопровождал кокандский посол

в Ташкенте Мирза-Хаким-парваначи*, представлявший в кокандской элите пророссийскую партию и считавшийся эффективным посредником в переговорах России и Коканда. В Ташкенте Мирзу-Хакима звали Карлом Карловичем Умидовым. Кауфман вспоминал, как тот сопровождал его в Бухарскую и Хивинскую кампанию и отмечал, что Мирза-Хаким «всегда был очень полезен и своим знанием Азии, и своими необыкновенными свойствами духа, своею верою в нашу силу, которая от него передавалась своими путями всем азиатцам». Чуть позже имперский историк Терентьев дал ему такую характеристику: «не то предатель своего отечества, не то верный слуга русского царя, не то глубокий политик, провидевший, что спасение враждующих разнородных племен ханства заключается в подчинении их твердой и могучей русской власти, не то простой сарт, радовавшийся избиению кочевников».

По мнению американского дипломата Юджина Скайлера, более десяти лет прожившего в России и хорошо информированного о положении дел в Туркестане, россияне готовили военный поход в Кашгар, и миссия в Коканд преследовала своей целью получить разрешение на передвижение части войск через Ферганскую долину. Поэтому в посольстве находился флигель-адъютант полковник Михаил Скобелев, целью которого было, по официальной версии, получение раз-

* *Парваначи, фарманачи* – буквально «предъявитель ханского указа», один из высших придворных чинов в Коканде.

решения от Худаяра на путешествие по Ферганской долине с рекогносцировкой маршрутов в Кашгар и дальнейшей миссией к Якуббеку. Впрочем, похоже, что Скобелеву было предписано вместе с топографом подпоручиком Руднёвым изучить пути и расположение кокандской армии в долине для будущих возможных передвижений российских войск. Во всяком случае, за неделю пребывания в столице ханства полковник успел изучить ее топографию на предмет возможного штурма города. Современник-офицер, писавший под псевдонимом К. Трионов, считал, что Скобелеву была предназначена роль будущего российского агента при кокандском хане.

Российская делегация разместилась в доме Мирзы-Хакима, который первым в столице ханства обустроил свое жилище в европейском стиле: в доме были окна, мебель, европейская посуда и керосиновые лампы. В своих воспоминаниях Скобелев писал: «Въехали в Коканд мы вечером и остановились в доме Мирзы Хакима-парваначи, который встретил нас крайне радушно и гостеприимно. Правда, кормили соевым азиатским пловом и изюмом, но в шампанском недостатка не было. Город Коканд произвел на меня волшебное впечатление: дворцы, сады, мечети, богатейший базар, – все это ставит Коканд в ряду лучших азиатских городов. Коканд не уступает Самарканду». И добавлял: «Ничто не предвещало близость грозы».

Вместе с посольством в Коканд привезли 16-летнего вну-

чатого племянника Худаяра Абдулкерима, которого незадолго до этого противники хана провозгласили своим вождем и кандидатом на престол. Его выдача демонстрировала готовность россиян помочь Худаяру справиться с внутренними врагами.

Сохранились воспоминания Скобелева о встрече с Худаяром, которая произошла 15 июля:

Абдулкерима везли на арбе, и бедный мальчик грустно смотрел кругом, убежденный, что дядя немедленно прикажет его зарезать <...> Когда мы вошли, Худаяр играл четками и, не спуская глаз с Корана, шептал молитву. Как было установлено, мы с Вейнбергом сели, не ожидая приглашения хана, что, видимо, было ему неприятно, засим Вейнберг, передав хану письмо генерал-губернатора, объяснил ему, что мы привели во двор Абдулкерим-бека и что отныне племянник находится в его руках. Хан молча кивнул головой и приказал ввести Абдулкерим-бека; бледный как смерть, вошел юноша и, не доходя до хана саженой пятнадцать, повалился в ноги и громко стал кричать «Девлет зарет бу сын!» («О, великий государь!»). Хан несколько минут равнодушно на него посмотрел и совершенно спокойно при нас отдал приказание отвести его к палачам и казнить на дворе. Этого только и дожидался Вейнберг, спокойно попросил он обождать хана с исполнением приказа, пока не прочтет второе письмо генерал-губернатора. Хан молча прочел письмо, изменился в лице, но тут же с редким самообладанием

сказал нам, что просьба его друга для него закон, и приказал отпустить Абдулкерим-бека на все четыре стороны. Во время движения от Ходжента к Коканду мы очень полюбили Абдулкерим-бека, а потому, во избежание случайностей, предложили ему оставаться при посольстве.

Появление в столице ханства большой группы высокопоставленных российских чиновников и – впервые – целого отряда солдат вызвали у части кокандской элиты подозрение о желании Худаярхана полностью подчиниться давлению России, опереться на ее военную поддержку. Терентьев писал:

Не подлежит теперь сомнению, что появление русских в столице ханства ускорило взрыв: муллы-ишаны и дуваны открыто проповедовали, что все бедствия идут от русских, которые поддерживают и заступаются за ненавистного хана <...> Прибытие казаков казалось явным доказательством намерений хана окончательно задавить народ при помощи русской вооруженной силы.

Инициаторами недовольства стали мулла Иса-авлиё и Абдурахман-автобачи, которых, считая своими близкими соратниками, Худаярхан поставил во главе кокандского войска, направив их подавлять очередное восстание мятежников на востоке Ферганской долины. Впрочем, возможно, хан намеренно удалил их из столицы, чтобы они не мешали его переговорам с ташкентским посольством.

По выражению одного современника, мозгом этого оппозиционного альянса был Иса-авлиё, по происхождению кашгарец (его предки были выходцами из Синьцзяна), энергичный чиновник, бывший правитель города Шахрихана, занимавшийся реформами экономики и управления ханством, именно по его совету Худаяр вводил дополнительные налоги для пополнения государственной казны. Российские источники описывали его как «мнимо-близкого хану человека, хитрого старика, корыстолюбивого и честолюбивого интригана, который умел в продолжении нескольких лет скрытно поддерживать ненависть кипчаков к хану и готовить их к новому восстанию». Сердцем же мятежа был воинственный и харизматичный Абдурахман-автобачи *, сын давно казнённого Худаярханом кипчакского предводителя Мусульманкула. К тому времени он получил второй по значимости в ханстве ранг парваначи, но сохранил прежний чин в качестве имени собственного – Автобачи.

17 июля два бывших фаворита и присоединившийся к ним Халназар-парваначи (разные источники также называют его Хакназар или Халыкназар) объявили о том, что выходят из подчинения Худаярхану.

Вейнберг, попросивший частную аудиенцию с Худаяром, в своем отчете Кауфману указывал:

Хан был видимо озабочен дурными вестями из

* *Автобачи, афтобачи* – буквально «рукомойничий», или «податель рукомойника», один из придворных чинов в Коканде.

провинции и слушал меня рассеянно, но все-таки хотел скрыть настоящее положение дел и уверял меня, что беспорядки в ханстве никогда не имели серьезного характера, а скорее походили на мелкие грабежи и разбои, свойственные всякому кочевому населению <...> Он несколько раз подтверждал, что любит и уважает Ваше Высокопревосходительство по-прежнему и не видит перемены в его образе действия; в случае же необходимости, не только готов посоветоваться с Вами о действительных мерах к подавлению беспорядков, но и позволит себе просить помощи. Вообще же заметна была большая уступчивость во всех ответах хана; он говорил мягко и осторожно, и находился видимо под впечатлением дурных известий.

Между тем Ош, Наманган, Андижан и Ассакэ оказались в руках восставших. Сначала к ним присоединился старший сын и официальный наследник Худаярхана – Насриддин, который занимал должность бека – губернатора Андижана. 20 июля на сторону мятежников перешел младший брат хана – Султан-Мурад, который был очень близок к Худаяру (у них была одна мать – кыргызка из рода сару), состоял беком ключевого, после Коканда, города Маргелан и, возможно, рассчитывал на то, что сам сможет занять кокандский престол. Автобачи скоро выдал за него замуж одну из своих дочерей. Чуть позже к ним присоединился с частью кокандского войска средний сын Худаяра – Мухаммед-Амин-

бек. Таким образом, к тройке высокопоставленных чиновников по своей воле или под давлением присоединились ближайшие родственники хана, что фактически решило его судьбу. Новым претендентом на роль хана был выбран Насриддин, возможно, как наиболее слабая фигура, которую Абдурахман-автобачи и Иса-авлиё намерены были контролировать. Восставшие двинулись на Коканд.

Россияне, почувствовав перемену в настроениях кокандцев, забаррикадировались в своих жилищах. Скобелев вспоминал: «Большим утешением служила уверенность, что наши войска, мстя за нас, камня на камне не оставят в Коканде».

Среди верных Худаяру людей и солдат оставалась какая-то часть кокандских военных-сарбазов, которым он мог платить из казны довольствие, пожилой, влиятельный чиновник, аталык* Атабек-наиб, второй человек в ханстве, не имевший, правда, никакого войска, а также пришедший со своим отрядом на помощь мулла Мааруф, бек соседнего горного района Сох. Худаярхан, понимая, что с такими силами никаких шансов самому победить противников у него нет, 20 июля попросил Вейнберга передать Кауфману просьбу «оказать ему помощь войсками против восставших на него мятежников». Он пугал дипломата тем, что мятеж направлен не только против него, но и против россиян, что Автобачи собирается объявить им джихад. Вейнберг ответил, что

* *Аталык* – в переводе «заменяющий отца», «названный отец», высший чин в Кокандском ханстве.

генерал-губернатор находится в Семиречье и не успеет быстро отреагировать на просьбу и что российские войска не готовы к быстрому разворачиванию на территории Кокандского ханства, но Худаяр настаивал, что помощь нужна немедленно, и просил ввести хотя бы 600–700 человек, две роты, ближе к Коканду в находящийся в 30 километрах от него кишлак Бешарык. В письме на имя Кауфмана он писал:

В эти трудные и злосчастные времена, люди, которых я считал верными и надежными, а именно — мулла Иса-Аулиё, Абдурахман парваначи и Хак-Назар парваначи с войсками перешли на сторону моих врагов бунтовщиков киргизов, и, соединившись с ними, пошли на меня войной. Так как я от Вашего Высокопревосходительства видел уже много дружбы и расположения, то надеюсь, что и на этот раз Вы не оставите меня действенной помощью и поддержкой. Отдаю себя и Коканское ханство под могущественное покровительство Его Величества, Государя Императора и обращаюсь к Вам с дружественною просьбою, благоволить приказать направить на город Кокан русское войско с артиллериею в возможно скором времени, дабы замыслы мятежников не осуществились. Надеюсь, что Вы изволите согласиться на исполнение моей просьбы.

Однако события развивались так быстро, что Худаярхан уже не мог ждать ответа Кауфмана, ничего не предпринимая. 22 июля, когда мятежные войска под руководством его быв-

ших соратников приблизились к Коканду, хан сделал вид, что собирается вступить с ними в бой и, собрав свою армию, насчитывавшую 4 тысячи пехоты, 2 тысячи конницы и 68 орудий, вышел из города. Армию сопровождал обоз в 80 арб — телег с казной, придворными, слугами, двумя женами и малолетним младшим сыном хана. Поскольку хан взял с собой все самое ценное, это означало, что он вступать в бой не планировал. Пока же он ожидал дополнительную помощь и поэтому избегал прямого столкновения с бывшими подчиненными и родственниками. Поскольку эту помощь он ждал прежде всего от России, то и войско с обозом он двинул к российской границе — в сторону Ходжента.

Россияне, оставшиеся в Коканде, оказались перед выбором. Они могли дожидаться Насриддина, с которым потом вести переговоры, или присоединиться к Худаяру, таким образом вступив в конфликт с восставшими. Вейнберг принял решение в пользу второго, о чем и известил Кауфмана:

Посоветовавшись с полковником Скобелевым, я нашел, что место наше должно быть при законном, признанном Государем Императором, владельце Кокана. В городе оставаться нам было невозможно, вследствие возбужденного состояния народа, да и, кроме того, мы не знали, какой оборот могут принять дела по вступлении инсurreкционного войска в Кокан. Законный хан решился оставить город, и я не считал себя в праве оставаться после этого в Кокане и входить в какие бы то ни было

сношения с мятежниками. При этом, однако, я просил полковника Скобелева, принявшего начальство над сопровождавшим нас взводом казаков, воздержаться от всяких враждебных действий против инсургентов и не считать нас союзниками хана до получения приказаний Вашего Высокопревосходительства на мое донесение и письмо хана, в котором он отдавал себя и ханство свое под высокое покровительство Государя Императора и просил об оказании ему помощи вооруженною силою.

Ему вторил Скобелев, полагавший, что такое решение должно «дать ему [Худаярхану] тот нравственный престиж, который сопряжен со всяким представительством могущественной России на наших отдаленных окраинах». К российскому отряду присоединились российские купцы и даже один австрийский подданный, которые в то время находились в городе.

Параллельное движение войска Худаярхана и российско-го отряда в сторону Ходжента сопровождалось небольшими стычками с преследователями, россияне старались избегать активных вооруженных действий, давая понять, что они занимают нейтральную позицию и не собираются конфликтовать с восставшими. Правда, несколько джигитов – мусульман, выдвинувшихся вместе с российским отрядом, – в этих стычках были убиты. Мирза-Хаким был посредником в общении с Худаяром и мятежниками, он уговаривал преследовавших не стрелять в россиян, грозя им, что в противном случае те пойдут войной на Коканд, что звучало убедитель-

но. Мирза-Хаким также подтверждал, что «очевидное участие <...> [российского] посольства в судьбе дворца озлобляло народ и могло привести к газзавату» (священной войне против неверных). Мирза-Хаким, по свидетельству американца Скайлера, признавался, что сам поддерживал повстанцев, что он, как и многие другие, бросил бы хана, если бы увидел, что у восстания есть хоть какие-то шансы на успех. По мере приближения к Ходженту войска, сопровождавшие Худаяра, поняв, что их направляют к российской территории, стали разбегаться. 24 июля Худаярхан вступил в Ходжент с 350 вооруженными людьми и обозом, состоявшим из 300 человек прислуги и женщин. По свидетельству Скобелева, хан «во время всего отступления держал себя с большим достоинством и весьма благородно относился к нам».

Итак, за прошедшие 11 дней, пока российское посольство находилось в Кокандском ханстве, ситуация совершенно изменилась. Вот как ее оценивал Вейнберг в послании Кауфману от 28 июля:

В настоящее время ханство находится в самом хаотическом состоянии. Четыре главные личности, стоящие во главе восстания, относятся друг к другу весьма недоверчиво. Абду-Рахман-Автобачи является душою инсуреక్షонного движения, лишившего власти Худаярхана, Ханзаде и Султан-Мурад-бек находятся в роли соискателей вакантного престола и, наконец, Мулла Иса-Аулиё занимает всего менее выдающееся положение. Кто бы ни был назначен ханом,

т. е. Наср-Эддин-бек или брат хана, Султан-Мурад-бек, но при власти над войсками Абду-Рахмана, они будут служить лишь его орудиями. Автобачи же человек чрезвычайно честолюбивый, стремящийся к положению, занятому прежде отцом его Мусульман-Кулом и впоследствии Алим-Кулом. Он весьма искусно пользуется фанатическим элементом населения Коканда, и понимает весьма хорошо, что война против русских, какой бы ни был ее исход, может значительно возвысить его в глазах соотечественников и сделать популярным человеком, тогда как в мирное время он может впасть опять в прежнее ничтожество. Абду-Рахман для нас человек опасный, и чем скорее он сойдет со сцены, тем лучше для нашего положения в Средней Азии.

Исходя из изложенного, Вейнберг предлагал:

Занять нашим отрядом г. Коканд и решить судьбу ханства по Вашему благоусмотрению, т. е. назначить ханом кого пожелаете и найдете удобным, приводя его впоследствии в зависимое от нас положение. Таким образом кокандский народ убедился бы в силе нашей, и Ханы, назначаемые генерал-губернатором, явились бы безусловными вассалами России. Своеволию и жестокостям был бы положен конец, а вместе с тем без присоединения ханства к России мы могли бы достигнуть того сильного положения дел, к которому стремится его светлость князь-канцлер [Горчаков], т. е. окружить Русский Туркестан

Оборона или нападение?

26 июля 25-летний Насриддин был возведен мятежниками на кокандский престол. Новый хан тут же написал письмо Кауфману с объяснением причин произошедшего:

Высокостепенному генерал-адъютанту фон-Кауфману. После достижения добрых слов да будет известно, что так как всякие новшества, противные Шариату, день ото дня увеличивались Средоточием Вселенной, то весь народ этой страны, не будучи в состоянии переносить сего тяжкого бремени, сразу вышел из повиновения и потому Величие Народа, подозревая подданных (в дурных замыслах), бежал. После того все духовенство, сановники, князья, старейшины и прочие знатные люди ханства, считая нашу милость достойной занять ханский престол, в счастливые часы пятницы, 5-го Реджеба, возвели нас на достохвальный престол царства и власти. Так как по установлениям и обычаям прежних владык добрые вести передавались близким и дальним, то и мы посылаем, наконец, доброжелателя своего, муллу Абдул-Керима, который принесет (вам) эти известия о великих милостях, ниспосланных нам.

В Ташкенте у Насриддина была репутация пророссийского, а потому желанного наследника. 4 августа генерал-губернатор ответил, что условием его признания Россией должны

быть продление договора 1868 года, компенсация россиянам за понесенные убытки и смерть джигитов, которые сопровождали посольство, и отказ преследовать Худаярхана и назначение ему пенсии. Это были вполне приемлемые условия: при их соблюдении фактически сохранялась мягкая форма российского протектората, как это было при Худаяре.

Однако, несмотря на взаимные миролюбивые жесты, обе стороны готовились к реализации более brutального сценария. Новая кокандская власть опасалась, что, поддавшись призывам Худаярхана, который обосновался в Ходженте и по-прежнему считал себя правителем Кокандского ханства, Россия вторгнется в Ферганскую долину, чтобы вернуть его на престол, тем более что такое уже случилось за десять лет до того – правда, при военной поддержке Бухары. Российские же чиновники, со своей стороны, опасались, что победившие мятежники, среди которых основной тон задавал энергичный и антироссийски настроенный Автобачи, сместив Насриддина или заручившись согласием молодого несамостоятельного хана, объявят газзават и развяжут военные действия против россиян.

Не особенно рассчитывая на мирный исход, обе стороны стали активно стягивать войска навстречу друг другу, оправдывая свои приготовления защитой от возможного нападения противоположной стороны. С российской стороны к Ходженту из разных регионов Туркестанского края отправились более 3 тысяч пехоты и кавалерии, с кокандской –

5 тысяч пехотинцев-сарбазов и несколько тысяч конников, которые переместились к крепости Махрам, расположенной по прямой в 50 километрах к востоку от города, принадлежавшего России. Скайлер писал:

Прибытие российской миссии, которое по случайности совпало с началом восстания, капитуляцией Абдул-Керима, и защитой, оказанной хану, его семье и его сокровищам, несомненно, сыграли свою роль в том, что повстанцы поверили, что россияне принимают сторону хана и будут стремиться вернуть его на трон. Поэтому было вполне естественно, что они попытались выиграть время, чтобы первыми оказаться на поле боя.

В самом Ташкенте кокандские события вызвали шок. Живший там Михаил Михайлов вспоминал:

<...> в городе разнесся слух, что ташкентцами получено много прокламаций от Абдурахман-автобачи, призывающих к восстанию против русских, которым адресованы были также особые приглашения: им предложено было немедленно принять мусульманство или-же выехать из пределов Туркестана в Россию. Автобачи был даже настолько добр, что в случае избрания русскими последнего исхода, обещал дать перевозочные средства до Казалинска. С этого-то времени в Ташкенте началось серьезное волнение: сарты ломали арбы, чтобы уклониться от поставки их для предполагавшегося похода, закапывали в землю

свое имущество и т.п. Кроме того, в азиатской части города туземцы сделались менее вежливы в обращении с русскими; на базарах, вокруг откуда появившихся дервишей, собирались толпы народа, жадно слушавшего их воинственные проповеди. Все это не предвещало ничего доброго. Русские, жившие на дачах, спешили перебраться в русскую часть, под защиту пушек.

– Неужели вы надеетесь, что Абдурахману удастся выгнать русских? – как-то раз спросил я своего хозяина, более словоохотливого, чем другие, заходившие ко мне сарты. – Русские уже знают, что все имущество у вас закопано.

– Конечно, не выгонит, – ответил он, – но кокандцы могут прорваться в Ташкент, и тогда не будет нам пощады от кипчаков.

Чиновникам и ушедшим в отставку военным было роздано оружие. Ходили разговоры, что кокандцы двинутся на Ходжент, Самарканд, Джизак и далее на Ташкент, привлекая к себе всех противников россиян. В боевую готовность были приведены другие области вдоль российско-кокандской границы, вплоть до Семиречья, правда, боевых действий там не было, но население и военные пришли в возбуждение и выражали готовность сражаться. «Все это, конечно, похоже на оперетку», – писал позднее Терентьев. Так или иначе, вакуум легитимности в Коканде, созданный не без участия россиян, спровоцировал взаимные агрессивные риторику и дей-

ствия, хотя еще совсем недавно никто не планировал боевые действия так скоро.

5 августа Худаярхан, по указанию Кауфмана, со своим обозом и свитой выдвинулся из Ходжента в Ташкент. Генерал-губернатор полагал, что это должно продемонстрировать местному населению готовность к переговорам и сбавит градус напряжения, однако такое решение привело к обратному результату – резкому обострению. Кокандцы решили перехватить по дороге Худаяра, которого – вместе с казной – считали своей законной добычей и инициатором побуждения россиян к вторжению в Ферганскую долину. 5 и 6 августа кокандские отряды, число которых российские источники оценивали в 10 тысяч всадников, пройдя Кураминские горы, представляющие естественную границу между Ферганской долиной и российской территорией, вышли в долины рек Ахангарон и Чирчик и небольшими группами рассредоточились по окрестным селениям, призывая местных жителей к захвату почтовых станций, через которые мог пройти обоз Худаярхана. 8 августа несколько станций по дороге из Ходжента в городок Нау – по направлению к Ташкенту – были сожжены, 18 россиян захвачены в плен, еще несколько убиты. Наиболее крупные кокандские отряды под командованием наманганского бека Зульфикара, родом из ферганских каракалпаков, подошли к крепости Теляу, где находились российские солдаты и служащие. Почти сутки кокандцы, как свидетельствовал Александр Брянов, «в ярких крас-

ных и синих халатах, в желтых чембарах и белых чалмах с развевающимися ярко-цветными значками» стояли напротив крепости, но не стали ее штурмовать. Военный губернатор Сырдарьинской области Николай Головачёв направил дополнительные войска в Кураминский уезд для защиты от нападающих и вытеснения их с российской территории. Кокандцы не вступали в бой, ограничиваясь мелкими стычками. 11 и 13 августа российские отряды, в том числе летучие группы под командованием полковника Скобелева и подполковника Семена Елгаштина, в поисках противника прошли по всей долине Ахангарона и доложили об успешных боях с кокандцами. Головачёв объявил о разгроме армии Зульфикара «без потерь с нашей стороны».

8 и 9 августа кокандцы, захватив приграничные селения Самгар, Исписар и Кыстакос (нынешний Хистеварз), появились у стен Ходжента. Подполковник барон Иван Нольде, командовавший Ходжентским уездом, объявил осадное положение, российские гражданские лица, которые жили в городе и окрестностях, перебрались в городскую цитадель, где была российская военная база, мужчинам было роздано оружие, а сам город опустел – многие местные жители выехали за его пределы, ожидая погромов. Начались sporadические перестрелки. Нольде писал потом в рапорте, что нападавших было 10–15 тысяч. Попытки кокандцев небольшими неорганизованными партиями проникнуть в город продолжались три дня, но полторы тысячи российских войск, кото-

рые постоянно пополнялись новыми силами, пресекали их и перекрыли основные дороги, ведущие в Ходжент. Кокандцы успели только разграбить и поджечь стеклянный заводик, где работали российские мастера и местные жители. Более серьезные столкновения развернулись у моста через Сырдарью, куда подошли несколько тысяч кокандцев. Нападавшие пытались сжечь мост, но россияне своим огнем быстро рассеяли противника и заставили его отступить.

История с кокандским нападением на Кураминский и Ходжентский уезды, которые уже были российской территорией, стала впоследствии главным аргументом в оправдании вторжения российских войск в Коканд и последующей ликвидации Кокандского ханства. Многочисленные российские комментаторы повторяли и до сих пор повторяют, что россияне стали жертвой агрессии со стороны Коканда и что, следовательно, оккупация ханства была справедливой и неизбежной мерой самозащиты и наказания. Однако такой прямолинейной трактовке событий начала августа противоречит тот факт, что потери российской стороны в многочисленных стычках были небольшими и даже скорее случайными. Некоторые захваченные в плен российские солдаты были вскоре возвращены, причем «кокандцы просили дать им письменное удостоверение» об их благополучном прибытии из плена.

Одним из наиболее трагических эпизодов была гибель казначея поручика Васильева и доктора Петрова. Терентьев

пишет, что «эти несчастные были окружены на станции [Нау около Ура-Тюбе] шайкою кокандцев и долго отстреливались, пока хватало патронов. Затем они были связаны разбойниками и зарезаны». Трагической деталью этой истории был тот факт, что вместе с доктором были его малолетние дочери, которые видели, как отцу отрезают голову, и, когда их передали в руки россиян, старшая долго не могла опомниться.

Существует и более подробная версия произошедшего. По воспоминаниям некоего Трионова, Петров изучал природу Туркестана и лечил в том числе местных жителей, его жена умерла, и он остался вдовцом с двумя дочерьми. После объявления военной мобилизации Петров и Васильев были оставлены в распоряжении части в Ура-Тюбе, но так хотели участвовать в походе на Коканд, что в следующем обозе отправились в Ходжент. Далее Трионов писал:

В кишлаке Нау <...> наш отряд встретили достарханом, т.е. подношением туземных сластей, кишмиша, урюка, шепталы, фисташек, фруктов, леденцов и кусочков сахара. На вопрос, обращенный к ак-сикалу (старшине) о судьбе казначея и доктора, он отозвался полным незнанием. Ни уговоры, ни угрозы не могли заставить его быть откровеннее. Его тут же положили на землю и стали бить казачьими нагайками по обнаженному телу. После первых ударов его старая, сморщенная и как бы заскорузлая кожа лопалась и отрывалась кусками, обнажая мясо; он впал в глубокий обморок, и его оставили, ничего

не добившись. То же повторилось и с другим стариком, местным кадием (судьею). Тогда из числа зрителей схватили здорового парня лет 20-ти. Он просил его не наказывать, обещая рассказать все, что он знает. По его словам, когда батальон стоял на площади у Науской почтовой станции, шайка Кокандских выходцев ночевала в том же кишлаке на другой площади, и как только батальон ушел, шайка вновь перебралась на старый бивак у станции, и не прошло и часа, как на ту же площадь въехала почтовая телега из Ура-Тюбе. В ней, кроме ямщика, сидели: офицер, доктор и две девочки. Люди шайки, окружив телегу, требовали, чтобы русские сдались, выдали оружие, вещи и деньги, говоря, что их самих отправят к хану в Кокан. В это время батальон, выйдя из садов, поднялся на возвышенное плато, и ясно донеслись солдатские песни. Доктор сказал ямщику, понимавшему по-русски, что следовало бы попытаться вырваться и догнать батальон. Ямщик, улучив минуту, сразу пустил тройку вскачь, а в сарта, пытавшегося удержать лошадей, доктор выстрелил из револьвера и ранил его. Это озлобило шайку; они бросились догонять беглецов и уже при выезде из садов догнали и всем трем мужчинам отрезали головы, положили головы в переметные сумки, на их еще теплые головы посадили обеих девочек и с этими трофеями поскакали в Кокан, а тело тут же зарыли. На указанных тем же сартом месте земля оказалась рыхлою, и скоро откопали три совершенно голых трупа; голов не было, и два трупа

носили следы ожогов и копоты. Жгли их еще живыми или уже после смерти, выяснить не удалось.

Последняя версия с более ужасными подробностями выглядит, однако, менее героической и скорее неудачным стечением обстоятельств, закончившихся трагедией: не выстрелил доктор первым – его бы с детьми отвезли в Коканд и потом вернули здоровым российской стороне.

Между числом погибших и тем количеством кокандских войск в десятки тысяч человек, которые будто бы вторглись на российскую территорию, нет соответствия. Трионов вспоминал, что ходжентский начальник Нольде в своих отчетах в Ташкент преувеличивал опасность. А историк Терентьев, комментируя называемые Нольде цифры напавших на Ходжент кокандцев, иронично заметил: «Чем больше насчитаешь, тем больше славы!» Терентьев справедливо утверждал, что на глаз было трудно подсчитать хаотично двигавшихся кокандских всадников, и численность определялась в соответствии с уровнем тщеславия российских командиров, которые стремились продемонстрировать начальству свои заслуги в ожидании наград и повышения. Кто потом проверит эти цифры? Такое манипулирование в военных отчетах Терентьев отмечал неоднократно, не считаясь с репутацией своих героев. К тому же они и сами нередко портили себе репутацию. Так, героически защитивший Ходжент Нольде через несколько лет за обман генерал-губернатора, мошенничество, растраты и жестокость по отношению к местным жи-

телям был уволен с должности начальника уезда, лишен всех прав состояния, заключен в тюрьму и сослан на каторжные работы.

Утверждение о многотысячном вторжении кокандцев в российские земли с намерением захватить Ходжент и другие города не коррелирует с их военной тактикой, о которой говорится в отчетах и воспоминаниях. Плохо вооруженные всадники рассыпались по огромной территории, чаще всего без боя заходили в кишлаки, нападали на почтовые станции, проникали в те части городов, где не было российских солдат, обстреливали россиян и тут же скрывались; в некоторых случаях, как вспоминает тот же Трионов, солдаты и кокандцы мирно расходились при встрече. К грабежам присоединялись местные жители, которые пользовались хаосом, чтобы что-нибудь прибрать к рукам. Нападавшие, судя по всему, не ставили своей целью вступать в масштабные боевые столкновения с регулярными российскими войсками, избегали лобовых атак и старались держаться на расстоянии от дальнобойного российского оружия. В воспоминаниях некоторые эпизоды встречи с неприятелем приобретали анекдотический характер, как, например, у Михайлова: «Как-то раз солдатик 1-го стрелкового батальона отбилсь случайно, в садах, от своей роты и неожиданно наткнулся на шайку кокандцев, человек в 50, уже ворвавшуюся в город. Недолго раздумывая, солдат выстрелил в кокандцев из винтовки и с криком ура бросился бежать... к своей роте, а шайка,

так же торопливо, оставила сады». В небольших стычках, которые в отчетах порой превращались в целые сражения, не проглядывало ни стратегии, ни планомерного продвижения.

Более-менее очевидными были две задачи, которые кокандцы стремились решить. Во-первых, перекрыть транспортные пути, по которым двигался убегавший с родственниками, приближенными и ханской казной Худаяр. С точки зрения новой кокандской администрации увозимая казна представляла собой государственную собственность, которую следовало вернуть обратно. А сам Худаяр представлялся человеком, совершившим преступления в Коканде, и потому суд над ним должен был бы проходить там же, чтобы обеспечить легитимность нового правительства. Во-вторых, задачей кокандцев было максимально затруднить продвижение российской армии к кокандской границе. Автобачи и другие лидеры Коканда понимали, что собираемая в Ходженге российская группировка, скорее всего, вторгнется в Фергану, и принимали меры, чтобы сдержать или отсрочить нападение. Здесь показателен эпизод с мостом через Сырдарью: зачем было кокандцам его сжигать, если они собирались по нему вводить свою армию на штурм Ходжента? Тот же Терентьев поясняет: «Сохранение моста как единственного сообщения наступавших от Ташкента главных сил наших с Ходженгом и Кокандским ханством было делом особенной важности». То есть мост нужен был россиянам для вторжения в Коканд, а не наоборот, а потому его разру-

шение было для кокандцев актом обороны.

Разумеется, в попытке посмотреть на действия кокандцев с их точки зрения есть опасность преувеличить согласованность и последовательность их стратегии и преуменьшить хаотичность, агрессивную эмоциональность и иррациональность принимаемых ими решений, желание – пусть ничем не подкрепленное – добиться большего, а именно нанести россиянам поражение и, может быть, даже освободить свои захваченные земли. Скорее всего, многие на кокандской стороне переоценивали свои силы и возможности, а небольшие стычки считали свидетельством успешного наказания россиян. В рядах мятежников, судя по всему, действительно имелись сторонники более радикальных планов, не только упомянутый Абдурахман-автобачи, но и, например, потомок мусульманских святых и начальник ханской кавалерии Махмудхан-тура.

Сохранилось несколько кокандских писем и прокламаций, в которых видна эта двусмысленность поведения новой власти. В письме бухарскому эмиру Автобачи так объяснял свои действия:

День ото дня предписания и постановления Шариата клонились к разрушению... Все это время о подлости и низости этого дурного дела я не переставал ставить на вид Хану, стараясь отвести его от преданности неверным, но дело не ладилось; заткнув свои уши ватой неведения, он ничего не хотел

слушать. Все городские, степные и сельские жители, тесно соединясь между собою, решили собраться всем в одном месте, с сосредоточенными силами открыть военные действия против неверных. Таким образом, когда наши люди стали приготовляться к открытию войны и собирать необходимое оружие и средства, Худаярхан, боясь нашего скопища войск, бежал и присоединился к неверным. Трон остался пустым; поэтому Мухаммед-Наср-Эддин-Бек, один из умных и достойнейших его сыновей, который в поддержании религии Ислама, соблюдении предписаний шариата, в проникательности, доброте, учтивости и кротости не имеет себе равного, с общего согласия возведен в Ханское достоинство. Возле трона сего сильного и энергичного [хана] нашего общего единоплемянника и собранных войск совершенно достаточно для дела против неверных, и мы в этом уверены, и сердца наши настолько наполнены самоотвержением на пользу сего великого дела, что этими энергичными действиями, если заблагорассудит Бог, нам удастся удалить от головы мусульман мрак неверных и воспламенить угасившую свечу Ислама. В пользу истинного пути рука нашего народа, до последнего человека не опустится в военном деле и нанесении смертоносного поражения. В настоящее время на все пути, по которым могут проходить неверные, посланы отдельные мусульманские отряды, и вслед за ними посланы другие войска для их подкрепления; я сам с бесчисленными войсками выступаю и пойду по прямому пути.

Сам Насриддин в письме к тому же бухарскому эмиру почти дословно повторял письмо Автобачи:

Высокостепенный Повелитель мусульман, он мне вместо отца, да сохранит его Всевышний Бог. <...> Довожу до сведения Вашего, считаемый мною вместо отца, что в настоящее время все, как городские, так и степные населения, всеми усилиями и стараниями решились положить себя на путь Божий (за веру) и все советы и решения остановились на этом. Любовь и ревность к отечеству собрали в одно место столько людей на войну против неверных, что о численности их, кроме Бога, никто не знает. Меня привезли из Андижана и возложили на меня вести решительную войну против неверных. За сим трон царский нашли пустым, а потому городские и степные жители с общего согласия украсили мой стан изящным ханским одеянием. В настоящее время на все пути, по коим могут проходить неверные из разных пунктов, послали отдельные отряды. Я сам, опираясь на помощь и милость Всевышнего, с несчетными войсками выступил прямым путем с решительною целью сразиться с неверными.

Оба письма бухарский эмир в конце августа передал россиянам, дав тем самым понять, что не будет поддерживать кокандцев (хорошо помня, что и Худаярхан в свое время отказался поддерживать Бухару в противоборстве с Кауфманом).

Приведенные тексты выглядят противоречиво, из них невозможно понять, идет ли речь о защите от неверных или о нападении на них. Тем не менее попытка поимки Худаяра и меры к защите от вторжения привели по факту к столкновениям с российскими военными на российской территории и разрушению российской инфраструктуры. При этом самые горячие головы призывали к священной войне с неверными за освобождение занятых ими территорий. Скайлер приводит прокламацию, авторство которой приписывают Абдурахману-автобачи и которая явно демонстрирует намерение вести полноценную войну с Россией:

Русским офицерам и всем чиновникам я говорю следующее: – Вследствие злого характера Худаярхана, который привел к беспечности по отношению к своим подданным, войскам и владению, и вследствие его тирании, по повелению Всевышнего Бога и в наказание за нашу беспечность, часть наших владений перешла под вашу власть. Упомянутый хан думал только о земном правлении и поэтому несколько лет был к вам дружелюбен, по этой причине мы были крайне недовольны и ждали, пока не настанет время. Теперь все кочевые и оседлые жители там, малые и большие, которые считают себя мусульманами, согласились, поскольку уста всех стали одним целым, и их главы – одним целым, и послали много войск на сторону Авлиё-Аты, и много в Ташкент из Дешт-и-Кипчака, и мы здесь. Согласно нашему шариату, мы обязаны сражаться

с вами, – так говорит Всевышний Бог. Если мы победим, мы станем воинами за веру; если умрем, мы станем мучениками. Мы стремимся к одному или другому. Согласно нашему шариату, мы обязаны попросить вас принять ислам. Если вы захотите обратиться к истинному пути и стать мусульманами, то вы станете нашими братьями, и даже больше, чем братьями. Если вы не согласитесь с этим, мы будем сражаться. В настоящее время мы советуем вам принять ислам. Если вы согласитесь, то, используя милость Аллаха и Пророка, мы даруем вам жизнь и будем милостивы к вам, и возвысим вас еще выше, чем вы есть; но если вы скажете, что не удовлетворены тем, чтобы стать мусульманами, и попросите нас проявить к вам милость и позволить вам переехать с семьей в ваше прежнее место жительства, мы согласимся даже на это; но если вы упрямо не соглашаетесь, если у вас есть желание сражаться, тогда мы будем сражаться, и одна из сторон будет обращена в пепел. Такова цель наших желаний. По нашему закону и обычаю мы не можем отказать. Наш Бог и наше слово едины. Подумайте, как подобает вам, о пользе и вреде, которые это вам принесет. Пришлите ответ как можно скорее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.